34 =
BB262
P738

Влад. РОЗАНОВЪ [Энзисъ]

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ВОЙНЫ

Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ"

Влад. РОЗАНОВЪ
(ЭНЗИСЪ)

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ВОЙНЫ

2экз

Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ“

К. 1986
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008
ВВ262Р
Р738
БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА
469
33
182217

Типографія Т-ва „Книгоиздательство Писателей въ Москвѣ"
Моховая, у Троицкихъ воротъ, д. кн. Гагарина.
1917 г.

ВСТУПЛЕНІЕ

Часто приходилось слышать и читать: война застала врасплохъ общественное мнѣніе. Но также нерѣдко можно встрѣтить утвержденіе, что война была неизбѣжной, что ея не только ждали, но опредѣленно подготовляли ее. Между этими двумя мнѣніями въ дѣйствительности нѣтъ противорѣчія: народныя массы всѣхъ странъ войны не хотѣли, и для нихъ она была неожиданной, невѣроятной даже въ самый послѣдній моментъ, когда уже была произведена мобилизація. Для небольшого же слоя людей, близко знакомыхъ съ отношеніями между правительствами и съ господствующими въ руководящихъ кругахъ взглядами, дѣло рисовалось совершенно иначе. Между этими кругами и народными массами, большею частью очень далекими отъ политики, нѣтъ совсѣмъ или очень мало точекъ соприкосновенія. Такимъ образомъ случилось то, что народы, отъ имени которыхъ объявлялась война, сами доподлинно не знали, какъ и изъ-за чего она началась и не всегда умѣли сказать себѣ, зачѣмъ она ведется.

Мало того. На эти вопросы не могла отвѣтить съ полной опредѣленностью и ежедневная пресса. И она оказалась недостаточно освѣдомленной въ первое время войны. Было бы, однако, слишкомъ чудовищнымъ отсутствіе отвѣта на такіе вопросы. Люди не могли итти убивать другихъ людей, о которыхъ они до тѣхъ поръ вовсе ничего не знали, не отдавая себѣ отчета, почему и зачѣмъ они это дѣлаютъ. Манифесты, извѣщавшіе во всѣхъ странахъ о началѣ войны, вездѣ

единогласно заявляли: отечество въ опасности, и его нужно защищать. Что отечество, разъ война началась, было въ въ опасности для всѣхъ народовъ, это—несомнѣнно. Но что каждое изъ правительствъ, участвующихъ въ войнѣ, не имѣло ничего другого въ виду кромѣ защиты отечества, это было невѣроятно, такъ какъ тогда имъ незачѣмъ было бы начинать войну. Такимъ образомъ для каждаго изъ правительствъ явилась потребность оправдать свой образъ дѣйствія. Были выпущены цвѣтныя книги—сборники дипломатическихъ документовъ, предназначенные служить для оправданія дипломатіи своей страны. Изъ этихъ книгъ выросла полемическая національная литература, въ которой политики каждой страны оправдывали себя и своихъ союзниковъ и взваливали на противниковъ всю вину въ войнѣ. Цвѣтныя книги являются пока единственнымъ источникомъ безспорныхъ свѣдѣній о той дипломатической дѣятельности,которая привела къ міровой войнѣ. Но и самое внимательное чтеніе цвѣтныхъ книгъ не даетъ удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ о происхожденіи войны. Причины этому слѣдующія.

Каждая книга того или иного цвѣта, хотя и составлена изъ подлинныхъ документовъ, преслѣдуетъ опредѣленную политическую цѣль, указанную выше. Каждое правительство говоритъ только о себѣ и можетъ опубликовать только тѣ документы, которые находятся въ его распоряженіи, но не въ распоряженіи другихъ. Оно ничѣмъ не связано въ выборѣ документовъ, которые оно рѣшаетъ придать огласкѣ. И первое досадное обстоятельство, на которое наталкивается читатель, это—очевидная неполнота сборниковъ офиціальныхъ документовъ. Такъ, напр., германское правительство не опубликовало въ своей бѣлой книгѣ ни одного документа изъ дипломатической переписки между Германіей и Австро-Венгріей въ періодъ со времени убійства эрцгерцога Франца-Фердинанда въ Сараевѣ до предъявленія Сербіи австрійскаго ультиматума. Этого пробѣла не могутъ заполнить цвѣтныя книги другихъ правительствъ, такъ какъ другія правительства не могли знать, какіе переговоры вели между собою

австрійское и германское правительства. А что эти два правительства, связанныя тѣснымъ союзомъ, находились въ эти дни подготовки кризиса въ оживленныхъ сношеніяхъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Мы также ничего не знаемъ о томъ, насколько полны всѣ другія цвѣтныя книги, или, лучше сказать, мы знаемъ, что всѣ онѣ не полны.

Каждая цвѣтная книга начинается съ чего-нибудь. Но дипломатическія дѣйствія каждаго дня имѣютъ свою предшествующую исторію. Каждый дипломатъ несетъ на себѣ тяжесть прежней политики, считается съ установленными раньше договорами и полудоговорами, дружбой или соперничествомъ другихъ державъ, полученными прежде указаніями своего правительства, его симпатіями или антипатіями и т. д. Всего этого не можетъ дать сборникъ офиціальныхъ документовъ, а между тѣмъ все это имѣетъ значеніе. Заключенные раньше договоры по условію не всегда могли быть опубликованы, хотя бы предметъ этихъ договоровъ и относился непосредственно къ этой войнѣ. Такъ, напр., населеніе Германіи и Австро-Венгріи не знало, въ чемъ состоитъ тройственный договоръ, которымъ ихъ страны были связаны между собой и съ Италіей въ теченіе 40 лѣтъ. Мы не знаемъ содержанія всѣхъ нашихъ договоровъ съ Франціей и Англіей, особенно договоровъ, заключенныхъ въ ближайшее передъ войной время и т. д. Такимъ образомъ, если изъ всѣхъ цвѣтныхъ книгъ составить одну, то и тогда у насъ не получится полной картины того, что происходило за кулисами дипломатіи хотя бы только лѣтомъ 1914 г. Но если бы эта картина и была передъ нами, ея одной было бы недостаточно для пониманія происшедшаго. Представьте себѣ, что вы въ шапкѣ-невидимкѣ могли бы переноситься съ быстротою электричества изъ одной столицы въ другую и присутствовать, зная всѣ иностранные языки, при всѣхъ переговорахъ той дюжины людей, въ рукахъ которыхъ была судьба народовъ. Вы, вѣроятно, узнали бы очень много интереснаго и важнаго, но вы могли бы понять эти секретныя совѣщанія только въ томъ случаѣ, если бы вы основательно

знали предметъ ихъ. Вы при этомъ замѣтили бы, что одинъ и тотъ же фактъ толкуется въ различныхъ европейскихъ столицахъ совершенно различно: одни придаютъ ему одно значеніе, другіе—другое и часто совершенно противоположное.

Позвольте привести еще одно фантастическое сравненіе. Допустимъ, что всѣхъ дипломатовъ всѣхъ участвующихъ въ войнѣ странъ въ цѣляхъ выясненія вины или невиновности ихъ въ міровомъ конфликтѣ предали бы суду присяжныхъ и привели бы въ одинъ залъ. Возьмите любой большой процессъ и подумайте, сколько приходится суду потратить времени для выясненія сравнительно простого и несложнаго факта, сколькихъ опросить свидѣтелей, выслушать экспертовъ, прочитать документовъ и т. п. Послѣ всего этого часто остается вопросъ, на который умъ присяжныхъ не можетъ отвѣтить съ полной опредѣленностью и приходится обращаться къ совѣсти ихъ: судите по совѣсти, т.-е. не по тому только, что вы узнали изъ судебнаго разбирательства, что повторилъ или забылъ повторить предсѣдатель, а по тому общему вашему убѣжденію, о которомъ вы сами точно не знаете, какъ оно сложилось. Насколько же труднѣе судъ надъ цѣлымъ историческимъ событіемъ, захватившимъ не одну только Европу, но весь міръ!

Такое событіе судить можетъ только исторія. На нашей обязанности не судить, а постараться понять его. Пониманіе же можетъ быть двоякимъ: понять исторически — значитъ уяснить себѣ всѣ его корни, причины и послѣдствія, понять политически значитъ оцѣнить его значеніе съ точки зрѣнія нашихъ политическихъ стремленій и нашихъ общихъ взглядовъ на человѣческія и международныя отношенія. Научное, историческое пониманіе должно лежать и въ основѣ нашего политическаго отношенія къ войнѣ. Но поскольку факты недостаточно извѣстны, мы должны примириться съ мыслью, что наше пониманіе текущихъ событій въ будущемъ будетъ исправлено и пополнено. Историческая наука можетъ не спѣшить со своими заключеніями. Иначе обстоитъ дѣло съ политикой. Ея задача—оріентироваться въ настоящемъ, и она

не можетъ ждать, какъ не ждетъ всякое дѣло. Она должна уяснить себѣ происходящее тѣми средствами, какія у нея въ данное время имѣются. При этомъ неизбѣжно приходится прибѣгать къ общимъ взглядамъ на политическія отношенія, чтобы такимъ образомъ переживаемое нами вплести въ историческую связь, поскольку она болѣе точно не можетъ быть установлена. Такія обобщенія всегда могутъ оспариваться съ другихъ точекъ зрѣнія. Еще болѣе можетъ оспариваться оцѣнка происходящаго. Что ошибочно и что правильно, что хорошо или худо дѣлалось или дѣлается въ политикѣ, на это возможны различные отвѣты.

* * *

Послѣ короткаго періода въ началѣ войны, когда всѣ умы были еще слишкомъ потрясены катастрофой и слишкомъ прикованы къ дипломатическимъ событіямъ, закончившимся войною, когда всѣ еще были заняты вопросомъ, кто является непосредственнымъ виновникомъ войны, постепенно стало устанавливаться иное отношеніе къ вопросу о происхожденіи войны. Поиски непосредственнаго виновника были предоставлены уличной прессѣ, въ серьезной же литературѣ началось изслѣдованіе болѣе глубокихъ причинъ катастрофы. Такъ, напр., П. Н. Милюковъ въ „Ежегодникѣ Рѣчи“ на 1915 г. пишетъ: „Самый моментъ войны намѣтился фатально ходомъ вооруженій соперничавшихъ между собою международныхъ группировокъ. Какъ ни грандіозны событія, свидѣтелями которыхъ мы являемся, они составляютъ лишь прямое и непосредственное продолженіе того, что давно не было скрыто отъ внимательнаго освѣдомленнаго и вдумчиваго наблюдателя. Въ громадныхъ размѣрахъ борющихся факторовъ тонутъ отдѣльныя индивидуальныя ошибки, капризы, даже политическая мудрость и дипломатическое искусство“. Или, напр., французскій профессоръ Дени относитъ начало кризиса къ 1904 году. Разъ „кризисъ открывается въ 1904 г.“ [1]),

[1]) Ernest Denis, La guerre. Causes immédiates et lointaines, стр. 148. (6-го изд.).

то этимъ уже признается его историческая закономѣрность, лежащая внѣ воли всѣхъ современныхъ дипломатовъ. Русскій и французскій профессоры сошлись на томъ неясномъ заключеніи, что основной глубокой причиной войны является „самоотравленіе нѣмецкаго народа идеями милитаризма“ или „мистикой милитаризма“, какъ выражается Милюковъ. Согласно этому объясненію міровая война является продуктомъ ненормальнаго развитія одной германской общественности. Наоборотъ, нѣмецкіе писатели въ поискахъ за болѣе глубокими причинами войны находили ихъ либо въ политической отсталости Россіи, иностранная политика которой находилась по ихъ мнѣнію во власти „панславистскаго мистицизма“, если не просто въ рукахъ авантюристовъ, либо въ корыстной политикѣ Англіи, политикѣ, ведущей свое начало чуть ли не со времени открытія Америки. Эти примѣры показываютъ, что и болѣе глубокое изслѣдованіе не гарантируетъ само по себѣ отъ національнаго пристрастія. Во всякомъ случаѣ большой шагъ впередъ былъ сдѣланъ однимъ тѣмъ, что мысль была освобождена изъ заколдованнаго государственной тайной круга дипломатическихъ переговоровъ и вниманіе обратилось къ изученію противника въ исторической перспективѣ.

Чѣмъ больше литература о происхожденіи войны освобождалась отъ элементовъ дипломатіи и полемики, тѣмъ яснѣе въ ряду основныхъ причинъ войны выдвигается экономическій факторъ. Съ особенной силой онъ былъ выдвинутъ въ нѣмецкой литературѣ съ одной стороны безусловными сторонниками войны, а съ другой ихъ крайними противниками. Это привело къ тому свойственному особенно нѣмецкой литературѣ искаженію реальной исторической картины, что первоначальный конфликтъ изъ-за Сербіи между Россіей и Австро-Венгріей былъ совершенно забытъ и все свелось къ англо-германскому конфликту. Въ Германіи и Англіи явилась огромная литература, посвященная этому вопросу, и такъ какъ Германія и Англія, каждая въ своей коалиціи, играютъ руководящую роль, ихъ вліяніе было перенесено въ другія страны и ихъ цѣли и интересы, промахи и удачи часто за-

слоняли „ошибки и капризы“ своей собственной политики. Это мы наблюдаемъ напр. въ Австріи, политическіе умы которой питаются военной литературой Германіи. Это же явленіе мы можемъ наблюдать и у себя самихъ. И чѣмъ дальше длится война, тѣмъ сильнѣе сказывается вліяніе руководящихъ странъ. Во-1) потому, что онѣ духовно сильнѣе, и ихъ литература играетъ роль лидера, какъ и ихъ государственные дѣятели. Во-2) по мѣрѣ того, какъ война длится и разрушается жизнь цѣлыхъ народовъ, погибаютъ сперва слабѣйшіе, ихъ голосъ умолкаетъ раньше, и общественное мнѣніе, само того не замѣчая, перестаетъ удѣлять имъ прежнее вниманіе, забываетъ о нихъ. Такъ, далеко потерялъ свою прежнюю остроту въ глазахъ средняго обывателя и на страницахъ ежедневной прессы бельгійскій вопросъ и еще больше—сербскій. Въ-3) въ концѣ концовъ крупнѣйшія государства, являющіяся вождями войны, будутъ при окончаніи войны руководствоваться своими собственными интересами прежде всего, а потомъ уже интересами другихъ. При ликвидаціи войны интересы крупнѣйшихъ государствъ займутъ главенствующее мѣсто и, каковы бы ни были первоначальныя причины войны, болѣе глубокій, хотя и менѣе ясно сознаваемый антагонизмъ крупнѣйшихъ государствъ оттѣснитъ на второй планъ все другое. Тогда, можетъ, быть, окажется, что война велась совсѣмъ не изъ-за того, изъ-за чего она начиналась въ господствующемъ представленіи.

Мы начнемъ съ разсмотрѣнія конфликтовъ между государствами по степени ихъ длительнаго значенія.

1 Англо-германскія противорѣчія

а) Развитіе имперіализма въ Англіи и Германіи

Если читатели помнятъ времена японской войны, они знаютъ, что Англія не всегда была нашей союзницей. Въ то время Вильгельмъ II пользовался у нашихъ реакціонеровъ чрезвычайной популярностью и даже любовью, Англія же считалась нашимъ врагомъ. Еще раньше было время, когда у насъ относились враждебно и къ Германіи и къ Англіи, а онѣ обѣ, хотя это и не было оформлено договоромъ, считались дружественными между собою странами. Это было въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда въ Англіи власть прочно удерживалась консервативнымъ министерствомъ Салисбери, въ Германіи же только что ушедшаго въ отставку Бисмарка смѣнилъ на канцлерскомъ мѣстѣ Каприви. До этого времени европейская политика вертѣлась преимущественно вокругъ двухъ узловъ: нѣмецко-французскаго, имѣвшаго исходнымъ пунктомъ войну 1870/71 гг. и отторженіе отъ Франціи Эльзасъ-Лотарингіи, и русско-нѣмецкаго, имѣвшаго свое больное мѣсто въ одновременномъ устремленіи на Балканы Россіи и союзницы Германіи Австро-Венгріи.

Полная перемѣна отношеній между Германіей и Англіей произошла за послѣднія 15—20 лѣтъ. Первые признаки непріязненныхъ отношеній появились на рубежѣ столѣтій. Въ причинахъ этой перемѣны сомнѣваться не приходится: какъ англійскіе, такъ и германскіе политики указывали на эконо-

мическое соревнованіе обѣихъ передовыхъ европейскихъ странъ. Однако, экономическое соревнованіе существуетъ между всѣми капиталистически развитыми странами, но не всегда приводитъ къ войнѣ. Оно существуетъ и между странами, находящимися между собою въ союзѣ и воюющими теперь на одной сторонѣ, напр. между Австро-Венгріей и Германіей. Правда, въ этомъ сопоставленіи мы имѣемъ дѣло не съ главными конкурентами, и сильнѣйшій въ конкуренціи, какъ показываетъ современный опытъ, находитъ себѣ союзниковъ въ болѣе слабыхъ странахъ, но и съ сильнѣйшими конкурентами возможны дружественныя отношенія. На ряду съ германской сильнѣйшимъ конкурентомъ англійской промышленности и торговли была американская промышленность. Однако же съ Америкой у Англіи установились дружественныя отношенія. Американскій индустріальный капитализмъ развивался еще быстрѣе нѣмецкаго и имѣлъ еще до войны отнюдь не менѣе блестящія перспективы, слѣдовательно былъ для Англіи не менѣе опаснымъ соперникомъ, а въ будущемъ станетъ навѣрное болѣе опаснымъ[1]). Поэтому, когда приводятъ цифры, характеризующія напряженную экономическую конкуренцію Англіи и Германіи, и дѣлаютъ отсюда выводъ о причинѣ ихъ вражды, то такое разсужденіе никакъ нельзя признать убѣдительнымъ. Къ тому же этимъ цифрамъ можно противопоставить другія: для Германіи Англія являлась важнѣйшимъ рынкомъ сбыта ея товаровъ точно такъ же, какъ и для англійскихъ товаровъ—Германія. Съ товарообмѣномъ между этими двумя странами были связаны сотни тысячъ экономическихъ существованій въ

---

[1]) Въ періодъ 1885—1890 гг. добыча каменнаго угля возросла въ Англіи съ 169 до 269 милл. тоннъ, т.-е. на 166% и въ Германіи съ 74—222 милл. т. на 300, въ Америкѣ съ 101—455 м. т. на 450,5%. Въ тотъ же періодъ времени добыча желѣза увеличилась: въ Англіи съ 7,5 милл. тоннъ до 10,2, въ Германіи съ 3,7—14,8 милл. т., въ Америкѣ съ 4,1—27. Въ международной торговлѣ участіе названныхъ странъ увеличилось съ 1885 до 1912 г. въ слѣд. размѣрахъ: Англіи съ 13 до 27,4 милл. мар., Германіи съ 6,2—21,3, Америки съ 5,5—16,2 милл. мар.

каждой изъ нихъ. На этотъ фактъ часто указывали и спрашивали: не безумiемъ ли является ихъ война между собою, разрушающая одинъ изъ главныхъ источниковъ ихъ богатства—ихъ взаимную торговлю?

Конкуренція нѣмецкихъ промышленниковъ и нѣмецкихъ купцовъ вызывала, правда, чувство раздраженія, озлобленія и даже ненависти у англійскихъ и французскихъ капиталистовъ. Она приводила къ ограничительнымъ законамъ противъ нѣмецкой промышленности какъ въ Англіи, такъ и во Франціи, какъ напр. знаменитое англійское постановленіе, чтобы германскіе товары носили клеймо „made in Germany“ (сдѣлано въ Германіи), дабы покупатель не смѣшивалъ ихъ съ продуктами отечественнаго производства. Такого рода постановленія вызывали въ свою очередь недовольство противоположной стороны и иногда приводили къ дипломатическимъ переговорамъ, но никогда не къ конфликтамъ, угрожающимъ войною. Исторія современнаго конфликта показываетъ, что онъ принялъ опасную сторону только на политической почвѣ, и если тѣмъ не менѣе вѣрно, что основою его являются экономическія отношенія, то остается еще выяснить, какъ экономическая вражда перешла въ политическую, и почему она должна была перейти въ нее.

Капиталистъ каждой страны пользуется защитой своего правительства отъ иностранной конкуренціи на внутреннемъ и внѣшнемъ рынкахъ. Въ первомъ случаѣ защитой служатъ охранительныя пошлины на иностранные товары, и введеніе такихъ пошлинъ тоже было неоднократно причиною конфликтовъ и приводило къ войнѣ, но въ послѣднее время только таможенной, а не настоящей. Таковы, напр., русско-германская таможенная война 1884 г. и германско-канадская. На внѣшнихъ рынкахъ государство помогаетъ капиталистамъ своей страны пріобрѣтеніемъ для нихъ права и исключительно благопріятныхъ условій торговли и промышленной дѣятельности. Средства для этого весьма разнообразны: добиваются права на безпошлинную торговлю, получаютъ концессіи на постройку желѣзныхъ дорогъ, шахтъ, заводовъ и т. п. преимущественно

въ цѣляхъ монопольнаго использованія природныхъ богатствъ страны или, наконецъ, что составляетъ конечный идеалъ всякаго завоеванія рынка, богатое капиталистическое европейское государство пріобрѣтаетъ себѣ тѣмъ или инымъ способомъ чужую территорію и заводитъ на ней всѣ ограниченія для иностранной конкуренціи, какъ на своей собственной. Такъ основатели нѣмецкихъ колоній въ Африкѣ еще въ сравнительно недавнее время „покупали“ за сущіе пустяки цѣлыя государства у полудикихъ вождей негритянскихъ племенъ, заставляя ихъ подписывать традиціонными тремя крестами документы, о содержаніи которыхъ тѣ не имѣли никакого понятія. Это мошенничество было разоблачено въ нѣмецкомъ рейхстагѣ безъ того однако послѣдствія, чтобы подобные „договоры“ были объявлены недѣйствительными. Также поступали раньше и другіе европейскіе колонизаторы. Но самымъ простымъ и вѣрнымъ средствомъ пріобрѣтенія колоній были всегда завоеванія, нападеніе вооруженной силой безъ всякаго повода и причинъ. Этотъ методъ пріобрѣтенія колоній, сопровождавшійся ужасными жестокостями надъ туземнымъ населеніемъ, былъ всеобщимъ въ эпоху открытія Америки и первыхъ великихъ мореплавателей. Но онъ и до сихъ поръ отнюдь не сданъ въ архивъ: достаточно вспомнить происшедшее на нашихъ глазахъ завоеваніе Англіей бурскихъ республикъ въ Южной Африкѣ. Поводомъ къ войнѣ послужило то несложное обстоятельство, что англійскимъ капиталистамъ хотѣлось имѣть богатыя золотыя и алмазныя розсыпи, лежащія на территоріи буровъ. Читатели не забыли негодованія общественнаго мнѣнія всей Европы противъ Англіи и своихъ собственныхъ симпатій къ бурамъ и ихъ генераламъ Ботѣ и Девету, первый изъ которыхъ является теперь нашимъ союзникомъ, а второй—врагомъ: такъ непостоянны чувства во внѣшней политикѣ! Точно такъ же на нашихъ глазахъ Франція завоевала Марокко, а Италія Триполисъ въ Африкѣ.

Тамъ, гдѣ прямое завоеваніе невозможно, гдѣ ему можетъ быть оказано слишкомъ сильное сопротивленіе со стороны

подвергшихся нападенію или со стороны конкурентовъ въ колоніальной политикѣ, европейская политика находитъ иные пути—различные способы „мирнаго проникновенія", кончающагося всегда неприкрытымъ завоеваніемъ. Такъ, напр., Германія получаетъ концессію на постройку черезъ всю азіатскую Турцію Багдадской дороги и даетъ ей займы, по которымъ та потомъ не въ состояніи будетъ расплачиваться иначе, какъ новыми концессіями. Устанавливается „заинтересованность", сперва экономическая, а, потомъ—дипломатическая и военная, добиваются признанія этой заинтересованности со стороны другихъ государствъ, посылаютъ въ колонизуемое пока еще независимое государство военныя миссіи якобы для того, чтобы помочь ему организовать армію или полицію по европейскому образцу, а на самомъ дѣлѣ организуютъ постепенный захватъ власти, строятъ свои школы, больницы, церкви, монастыри, заводятъ свою почту и всѣми этими средствами подчиняютъ своему вліянію колонизуемую область. Далѣе, ссылаясь на эти многообразные интересы, начинаютъ понемногу вмѣшиваться во внутреннее управленіе такихъ полуколоній, сажаютъ на административные посты своихъ кандидатовъ и затѣмъ уже достаточно какого-нибудь пустяка, чтобы найти поводъ для оккупаціи, а впослѣдствіи и полнаго присоединенія.

Все это въ разныхъ стадіяхъ мы можемъ наблюдать теперь въ Китаѣ, въ Турціи, въ Персіи, въ Мексико—вездѣ, гдѣ сильныя въ военномъ и экономическомъ отношеніи страны сталкиваются съ отсталыми и слабыми государствами.

Колоніальная политика преслѣдуетъ въ настоящее время слѣдующія цѣли. Дать своей странѣ или, точнѣе, ея капиталистамъ—такъ какъ всякая экономическая дѣятельность въ настоящее время за ничтожными исключеніями находится въ рукахъ капиталистовъ—монопольный рынокъ для сбыта товаровъ, монопольный источникъ полученія сырья (каучука, нефти, хлопка и т. д.) и монопольное право на устройство въ колоніяхъ всякаго рода промышленныхъ или сельскохозяйственныхъ предпріятій, а также для переселенія туда сво-

его „избыточнаго“ населенія, которое является избыточнымъ только потому, что дома оно не имѣетъ средствъ производства или не находитъ заработка потому, что владѣльцы капитала находятъ болѣе выгоднымъ открывать новыя предпріятія въ колоніяхъ. Если до сихъ поръ еще и не было принято совершенно не допускать иностранцевъ къ экономической дѣятельности на своей территоріи, то было уже изобрѣтено достаточно способовъ ограничивать эту дѣятельность, ставить ей всевозможныя препятствія вплоть до полнаго запрещенія въ отдѣльныхъ случаяхъ. Тенденціей колоніальной политики всѣхъ странъ является полное устраненіе со своей территоріи иностраннаго кабинета—борьба съ чужеземнымъ засиліемъ.

Капиталы отдѣльныхъ государствъ конкурируютъ между собою и на нейтральныхъ рынкахъ, которые нельзя монополизировать путемъ политическаго подчиненія. Такъ, напр., германскій и англійскій капиталы (промышленный и финансовый) конкурировали между собою въ Россіи и Южной Америкѣ. Но по мѣрѣ того, какъ эти страны сами капиталистически развиваются, онѣ начинаютъ покровительствовать своему національному капиталу, который постепенно вытѣсняетъ со своего рынка—конечно, только на извѣстной стадіи развитія—иностранные капиталы. Тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаютъ собственныя колоніи, гдѣ монополія своему капиталу обезпечена, и полуколоніи, которыя можно будетъ присоединить къ своей территоріи впослѣдствіи. Вернуться въ свою метрополію капиталу не всегда легко. Тамъ при большомъ накопленіи богатства деньги дешевле, чѣмъ въ отсталыхъ странахъ, процентъ на капиталъ ниже. Рынокъ часто ограниченъ не безъ вины той же покровительственной системы, которая даетъ возможность трестамъ сдирать со своихъ соотечественниковъ гораздо большія цѣны, чѣмъ съ иностранцевъ.

Изъ всѣхъ трехъ видовъ капитала (торговаго, промышленнаго и денежнаго) конкуренція послѣдняго на иностранныхъ рынкахъ особенно требовала отъ иностранной политики сво-

18217

его государства расширенія колоній и „сферы вліянія“ въ отсталыхъ странахъ. Вѣдь, если торговецъ принуждается какими-нибудь обстоятельствами уйти со своими товарами съ иностраннаго рынка, то при всѣхъ возможныхъ потеряхъ его экономическая основа остается нетронутой: основа его богатства—его капиталъ въ своей главной части остается у себя дома—въ метрополіи. Наоборотъ, денежный капиталъ, вывезенный за границу и вложенный тамъ въ различныя предпріятія, навсегда или на очень долгое время связывается съ колонизуемой страной. Построенную въ Китаѣ желѣзную дорогу не утащишь съ собой, если возникнетъ второе боксерское движеніе. Такой капиталъ требуетъ для себя особыхъ гарантій. А вывозъ денежнаго капитала характеренъ для капиталистическаго развитія передовыхъ европейскихъ странъ въ послѣднее время. Основою этого вывоза является чрезвычайно быстрое накопленіе капитала [1]). Одновременно у себя дома денежный капиталъ въ формѣ акціонернаго и банковаго капитала подчиняетъ себѣ промышленность и торговлю, благодаря чему его вліяніе въ государствѣ усиливается. Онъ становится вождемъ націи и навязываетъ ей свои идеалы и цѣли.

---

[1]) Для Германіи имперскій министръ финансовъ Гельфферихъ исчисляетъ ежегодное накопленіе капитала въ послѣднее передъ войной время въ 10 милліардовъ марокъ, а 15 лѣтъ тому назадъ оно шло со скоростью 4,5—5 милліардовъ въ годъ. Гельфферихъ считаетъ Германію страной наиболѣе быстраго капиталистическаго накопленія. Національное имущество Германіи Гельфферихъ исчислялъ передъ войной въ 300 милліардовъ мар. Въ послѣднее передъ войной время Германія стала конкурировать съ Англіей и въ вывозѣ капитала за гриницу, хотя въ этой экономич. области она еще очень отставала отъ болѣе старой Англіи. До войны въ колоніальныхъ странахъ было вложено въ милліонахъ марокъ

	германскаго капитала:	англійскаго капитала:
въ Восточн. Азіи	425	1714
„ Южн. Америкѣ . . .	1975	9700
„ Африкѣ	1350	9280
„ Австраліи и Полинезіи	350	7895
„ Турціи	325	374

Онъ требуетъ отъ своего государства внѣшней силы для міровой политики въ цѣляхъ покровительства его проникновенію, мирному или воинственному, въ другія страны. Онъ требуетъ міровой имперіи въ смыслѣ пріобрѣтенія владѣній вездѣ, гдѣ ихъ можно пріобрѣсти и гдѣ можетъ найтись выгодное помѣщеніе капитала, внѣ зависимости отъ отдаленности, климата и населенія страны, будь это хотя бы такая страна, гдѣ его соотечественники не могутъ прожить и двухъ лѣтъ, не рискуя здоровьемъ и жизнью. Все равно: тамъ найдутся черные или желтые люди, которые будутъ работать на предпринимателя не хуже, чѣмъ его земляки. Даже лучше, потому что они менѣе требовательны и болѣе выносливы. Это стремленіе къ колоніальному расширенію открываетъ въ политикѣ новую эру империализма.

„Имперіализмъ имѣетъ своимъ основаніемъ міровую державу, одушевленную желаніемъ расти дальше сообразно потребностямъ своего народа и своего народнаго хозяйства. Какъ всякій стремящійся впередъ человѣкъ, такъ и живой государственный организмъ имѣетъ потребность расширить свою сферу вліянія и свою экономическую дѣятельность“. Такъ опредѣляетъ имперіализмъ одинъ изъ его нѣмецкихъ теоретиковъ, Артуръ Диксъ[1]).

То, что кажется А. Диксу свойствомъ всякаго государственнаго „организма“, есть въ дѣйствительности только потребность капиталистической конкуренціи и капиталистическаго накопленія на извѣстной стадіи развитія.

Родился имперіализмъ тамъ, гдѣ ему и слѣдовало появиться прежде всего, въ самой передовой странѣ капитализма—въ Англіи, а оттуда уже былъ перенесенъ во Францію, Германію, Америку и другія страны, по мѣрѣ того какъ въ нихъ созрѣвали подходящія для него условія. Англія пріобрѣла большую часть своихъ колоній тогда, когда не могло быть еще рѣчи о ихъ экономическомъ использованіи въ томъ видѣ, какъ это практикуется теперь. У завоевателей

[1]) Deutscher Imperialismus, Leipzig 1914.

того отдаленнаго времени (колоніальная исторія Англіи насчитываетъ уже 350 лѣтъ) были совершенно иныя побудительныя причины. Теперь для насъ безразлично, какія. Онѣ исчезли, и было, наоборотъ, сравнительно недавно время, когда многимъ англичанамъ владѣніе колоніями, теперь богатѣйшими въ мірѣ, казалось не только невыгоднымъ, но и прямо-таки убыточнымъ и вреднымъ для Англіи. Такое мнѣніе было очень распространено въ серединѣ прошлаго столѣтія [1]).

Но въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія начинаетъ устанавливаться другое мнѣніе. Сперва въ литературѣ пропагандируется мысль о расширеніи колоніальныхъ владѣній, ихъ лучшемъ устройствѣ и болѣе тѣсномъ объединеніи съ метрополіей. Какъ всегда въ новомъ направленіи, въ этой пропагандѣ звучатъ идеалистическія нотки: говорятъ о культурной миссіи англійскаго народа въ колоніяхъ, о пріобщеніи дикихъ странъ къ европейской культурѣ. Но уже и у первыхъ идеологовъ имперіализма ярко выражается желаніе господства надъ другими народами. Основоположникъ англійскаго имперіализма Чарльзъ Дайкль говоритъ съ презрѣніемъ, какъ о пигмеяхъ, о французахъ и нѣмцахъ, не умѣвшихъ подобно русскимъ и англичанамъ завладѣть огромными пространствами во внѣевропейскихъ странахъ. Только послѣднимъ, по его мнѣнію, принадлежитъ будущее.

Въ половинѣ 80-хъ годовъ въ Лондонѣ основывается общество „имперской федераціи“, а въ 1887 г. консервативнымъ министерствомъ Салисбери созывается колоніальная конференція, имѣющая цѣлью сближеніе колоній съ метрополіей. Потомъ эти конференціи повторялись, и программа сближенія вырисовывалась все болѣе опредѣленно: участіе колоній въ вооруженныхъ силахъ имперіи, особенно въ постройкѣ флота и экономическое покровительство англійскимъ товарамъ (скидка въ пошлинахъ). Извѣстный министръ колоній Чемберлэнъ,

---

[1]) Лордъ Биконсфильдъ сказалъ въ 1852 г. „Колоніи это—жерновъ на нашей шеѣ“.

проведшій политически бурскую войну, разработалъ практическую программу имперіализма: таможенный союзъ между колоніями и метрополіей съ охранительными пошлинами на всѣ производимые внутри имперіи товары. Здѣсь уже намѣчалась идея экономическаго самодовлѣнія, которую теперь, во время войны, заимствовали у Чемберлэна германскіе имперіалисты. Чемберлэновская программа провалилась на выборахъ 1906 г., и самъ онъ болѣе не вернулся къ власти. Но его идеи остались жить и постепенно осуществлялись. Въ настоящее время всѣ англійскія колоніи предоставляютъ англійскимъ товаромъ скидки въ пошлинахъ, и тенденція перехода отъ свободной торговли къ протекціонизму крѣпнетъ. Осуществилось практически и военное объединеніе колоній съ метрополіей.

При огромной территоріи и большой населенности колоніальныхъ владѣній Англіи [1]), пріобрѣтенныхъ много раньше, чѣмъ сложились теперешнія международныя отношенія, англійскій имперіализмъ не могъ имѣть агрессивнаго характера по отношенію къ другимъ европейскимъ государствамъ. Задачей англійскаго имперіализма является не пріобрѣтеніе новыхъ колоній, а закрѣпленіе за собой старыхъ. Въ силу этого счастливаго историческаго наслѣдства англійскій имперіализмъ носитъ преимущественно оборонительный характеръ. Правда, при случаѣ англичане не прочь прихватить еще лишній кусокъ, если онъ плохо охраняется другими, какъ это показываютъ совсѣмъ недавніе примѣры: бурская война, пріобрѣтеніе Вей-хай-вея въ Китаѣ, раздѣлъ Персіи, аннексія Египта. Это — огромныя пріобрѣтенія и очень счастливыя: они достались Англіи совсѣмъ или почти совсѣмъ безъ труда. Географическое положеніе раньше пріобрѣтенныхъ колоній и особенно обладаніе опорными пунктами по всѣмъ морскимъ путямъ вокругъ всего земного шара даютъ Англіи возможность болѣе,

[1]) Территорія Британской имперіи составляетъ 33857 тыс. кв. клм., а населеніе свыше 440 милл. чел., территорія Россіи—22386 тыс. кв. клм., населеніе—170 милл. чел., Германіи: территорія—3449 тыс. кв. клм., населеніе—78 милл. чел.

чѣмъ всѣмъ другимъ государствамъ, дѣлать такія цѣнныя пріобрѣтенія по случаю. Но дальше такихъ пріобрѣтеній по случаю и по дешевкѣ англійскій имперіализмъ въ общемъ не склоненъ итти. У него довольно владѣній. Онъ настроенъ сравнительно мирно и оборонительно. Отсюда—основная задача англійской внѣшней политики: мѣшать образованію другихъ сильныхъ соперниковъ, могущихъ посягнуть на ея владѣнія. По этой причинѣ Англія была нашимъ врагомъ во время Японской войны и раньше – во время нашихъ пріобрѣтеній въ Средней Азіи. Поэтому Англія воевала съ нами подъ Севастополемъ и не очень сочувственно относилась къ стремленію Россіи завладѣть Константинополемъ. По той же самой причинѣ Англія стала теперь врагомъ Германіи, какъ раньше была заклятымъ врагомъ Франціи, когда послѣдней (при Наполеонѣ) принадлежало господство надъ всей Европой. Отсюда и типичная черта англійской политики, вошедшая въ поговорку—„коварный Альбіонъ". Онъ—коваренъ потому, что вынужденъ относиться подозрительно ко всякой новой силѣ, а вынужденъ онъ къ этому интересами защиты своего господствующаго положенія. Онъ — коваренъ и потому, что предпочитаетъ не доводить дѣло до войны, а предупредить нежелательныя ему явленія соотвѣтствующей политикой заблаговременно. Но и самая коварная политика—все-таки лучше чѣмъ прямая война, посредствомъ которой рѣшилъ пробить себѣ дорогу нѣмецкій имперіализмъ.

Въ Германіи обстоятельства сложились совершенно иначе чѣмъ въ Англіи. До образованія имперіи у нѣмцевъ не было колоній. Первыя два десятилѣтія послѣ образованія имперіи Германія была занята внутренней организаціей и внутреннимъ экономическимъ развитіемъ. Блестящее развитіе германскаго капитализма выражалось между прочимъ и въ развитіи иностранной торговли, которая забиралась въ отдѣльныхъ случаяхъ довольно далеко въ некультурныя мѣстности тропической Африки. Нѣмецкіе купцы, ведшіе эту торговлю, требовали отъ своего правительства „защиты" и предлагали основать въ Африкѣ колоніи. Бисмаркъ крайне неохотно по-

шелъ навстрѣчу этому желанію: онъ находилъ подобно Дизраэли, что колоніи будутъ только обузой для имперской казны и источникомъ постоянныхъ хлопотъ для администраціи и дипломатіи. Въ общественномъ мнѣніи эти первыя колоніальныя пріобрѣтенія были встрѣчены также несочувственно. Сторонники же колоніальныхъ пріобрѣтеній указывали на эмиграцію изъ Германіи въ Америку—число эмигрантовъ доходило до 200 тыс. чел. въ годъ, и говорили, что имперія могла бы не терять этихъ силъ, если бы имѣла въ колоніяхъ землю, куда можно было бы направить потокъ „излишняго“ населенія. Но пріобрѣтенныя въ 80-хъ годахъ въ Африкѣ колоніи были по климатическимъ условіямъ негодны для европейской колонизаціи или поселеніе тамъ требовало такихъ большихъ затратъ капитала, какими, эмигранты, вербовавшіеся изъ бѣдныхъ слоевъ населенія, не могли располагать. Къ тому же по мѣрѣ развитія нѣмецкой индустріи волна эмиграціи все уменьшалась и въ концѣ-концовъ смѣнилась обратной волной—иммиграціей: нѣмецкимъ фабрикамъ и заводамъ нехватало для пополненія своей рабочей арміи избыточнаго сельскаго населенія и приходилось привлекать рабочихъ изъ-за границы. Въ началѣ 90-хъ годовъ канцлеръ Каприви сказалъ: „Мы должны вывозить за границу либо людей, либо товары“. Уже въ то время вопросъ былъ рѣшенъ во второмъ смыслѣ: Германія стала вывозить товары, а потомъ и ввозить къ себѣ людей.

Но то же самое развитіе капитализма, которое сперва было противъ положительной колоніальной политики, потомъ настойчиво требовало ея. Побудительными мотивами были: прежде всего погоня за рынками сбыта, а затѣмъ и поиски сырья: хлопка, каучука и пр. Въ 1897 г. германское правительство, воспользовавшись убійствомъ въ Китаѣ германскихъ миссіонеровъ, послѣ военной экспедиціи „арендовало на 99 лѣтъ“ у Китая Кіао-чау. Это колоніальное завоеваніе встрѣтило въ Германіи уже иное, чѣмъ прежде, отношеніе. Къ этому времени совершилась знаменательная перемѣна въ общественномъ мнѣніи. Противниками погони за колоніями къ

этому времени оставались почти только одни соціалъ-демократы.

Къ тому времени, когда Германія вступила на путь колоніальнаго расширенія, весь почти міръ былъ подѣленъ между другими державами, и львиная доля Англіи была обезпечена за ней многолѣтнею давностью владѣнія. Колоніи, доставшіяся на долю Германіи, имѣли только небольшое значеніе. Для колонизаціи европейцами онѣ были въ общемъ непригодны. Какъ рынки сбыта продуктовъ европейской промышленности, онѣ на первыхъ порахъ ничего не давали, такъ какъ мѣстное (негритянское) населеніе, бѣдное и вырождающееся вслѣдствіе тропическихъ болѣзней, не имѣло никакой покупательной силы. Только какъ источникъ сырья, нѣмецкія колоніи имѣли цѣнность. Для этого требовалось вложить въ нихъ значительные капиталы, что и дѣлалось не безъ успѣха въ послѣднее передъ войной десятилѣтіе.

Тѣмъ болѣе хотѣлось бы Германіи имѣть такія колоніи, какъ у Англіи. Однако, откуда взять ихъ? Изъ всѣхъ нѣмецкихъ колоній только Кіао-чау имѣло значеніе рынка сбыта. Приходилось искать новыхъ возможностей. Германія стала крайне ревниво относиться ко всѣмъ другимъ державамъ, ведущимъ колоніальную политику, боясь, какъ бы еще какой-нибудь кусокъ не былъ захваченъ конкурентами. Въ то же время сама она стала всѣми силами работать по пути такъ наз, „мирнаго расширенія“ вездѣ, гдѣ представлялась къ этому возможность. Оставалось еще нѣсколько большихъ областей, гдѣ такимъ путемъ можно было достичь значительныхъ результатовъ. Это — Турція, Марокко, Персія и Китай въ Старомъ Свѣтѣ и южно-американскія республики въ Новомъ. На рубежѣ XX стол. міровыя задачи германской внѣшней политики опредѣлились такимъ образомъ: не допускать безъ компенсацій въ свою пользу никакихъ пріобрѣтеній другихъ державъ и въ то же время сдѣлать все возможное для расширенія своихъ колоній и полуколоній. Кн. Бюловъ, призванный въ то время на постъ министра иностр. дѣлъ Германіи, пишетъ объ этой новой оріентаціи нѣмецкой поли-

тики: „Помолодѣвшія въ результатѣ государственнаго возрожденія (1871 г.) силы націи прорвали въ своемъ ростѣ границы старой родины, и политика послѣдовала за новыми національными интересами и нуждами. По мѣрѣ того какъ наша національная жизнь стала жизнью міровой, и политика Германской имперіи стала міровой политикой“ [1]). И въ другомъ мѣстѣ: „Міровая торговля со всѣми зависящими отъ нея жизненными интересами сдѣлала необходимой міровую политику“.

Такъ экономическое соревнованіе переходитъ въ политическое. Главнымъ противникомъ на пути нѣмецкой міровой политики была Англія Политическая вражда съ ней становится неизбѣжной.

б) Англо-германскій конфликтъ

Имперіалистическая политика имѣетъ своимъ послѣднимъ аргументомъ только силу. Поэтому первымъ шагомъ только что описанной новой оріентаціи въ германской внѣшней политикѣ было созданіе военнаго флота. Для осуществленія новыхъ задачъ явился и новый человѣкъ—адмиралъ Тирпицъ. Въ 1897 г. имъ былъ внесенъ въ рейхстагъ и проведенъ въ слѣдующемъ году законопроектъ о флотѣ. По этому законопроекту предполагалось построить 19 линейныхъ кораблей, 6 большихъ и 12 малыхъ крейсеровъ, 8 броненосцевъ береговой обороны и кромѣ того строить по 8 миноносцевъ ежегодно.

Законопроектъ былъ сравнительно съ послѣдующими затратами на флотъ довольно скромнымъ, но все же въ отличіе отъ прежнихъ временъ адмиралъ Тирпицъ не желалъ ограничиться береговой обороной, а требовалъ созданія флота, пригоднаго для дальняго плаванія. Какъ человѣкъ практическій, онъ ограничилъ свои требованія, такъ какъ все равно всѣхъ кораблей сразу построить было невозможно.

---

[1]) Fürst v. Bülow, Deutsche Politik, стр. 14.

Впослѣдствіи онъ самъ сознался, что и тогда, въ 1897 г., у него была другая, дальше идущая морская программа, но тогда онъ скрылъ свои намѣренія отъ рейхстага, не желая пугать депутатовъ громадностью расходовъ. Само собою также разумѣется, что постройку боевого флота адмиралъ Тирпицъ мотивировалъ только необходимостью защищать быстро развивающуюся заокеанскую торговлю Германіи. Теперь, во время войны, литературный оруженосецъ Тирпица, графъ Ревентловъ, признался, что и тогда была уже мысль объ уничтоженіи морского могущества Англіи. Впрочемъ и въ тѣ времена, пока флотъ строился, въ Германіи дѣятельно велась пропаганда агрессивной политики, при чемъ своимъ остріемъ она явно направлялась противъ Англіи. Связь между аггрессивной колоніальной политикой не только не скрывалась, но ее старались сдѣлать какъ можно болѣе ясной. Вотъ что, напр., писалъ проф. Дитрихъ Шеферъ, теперь одинъ изъ виднѣйшихъ представителей крайняго имперіализма:

„Землю дѣлятъ. Намъ нужно завладѣть тѣмъ, чѣмъ еще можно завладѣть и что можетъ быть намъ необходимо и полезно. Или мы должны оставаться позади, тѣсниться въ заднихъ рядахъ, когда другіе народы, имѣющіе за собой долголѣтній колоніальный опытъ, пріобрѣтаютъ колоніи вездѣ, гдѣ только можно? Нужно ли намъ отставать отъ нихъ, какъ маленькимъ странамъ, дѣлающимъ изъ нужды добродѣтель? Этого никто не ждетъ отъ насъ, и этого не пойметъ ни одинъ здравомыслящій иностранецъ. Прошли тѣ времена, когда были люди, серьезно промышлявшіе о ликвидаціи нашихъ колоній. Кто сегодня защищаетъ такіе взгляды, тотъ отсталъ, рѣшительно отсталъ! Будущее принадлежитъ тому, кто понимаетъ настоящее. Будьте увѣрены, что и наша нація желаетъ получить свою часть“ [1]). Еще яснѣе намѣренія

[1]). Статья написана въ 1899 г. Въ настоящее время проф. Д. Шеферъ въ качествѣ предсѣдателя „Независимаго комитета“ пріобрѣлъ въ Германіи широкую извѣстность своей энергичной фрондой противъ Бетманъ - Гольвега на почвѣ недовольства его „слишкомъ умѣренной“ программой завоеваній.

высказывались въ агитаціонныхъ изданіяхъ пангерманскаго союза“ [1]) (All-Deutscher Verband), руководящей организаціи германскихъ имперіалистовъ. Въ 1897 г. предсѣдатель этого союза, проф. Гассе, защищая постройку боевого флота, развивалъ публично завоевательную программу, которая была положена въ основу всѣхъ нѣмецкихъ завоевательныхъ программъ во время войны. Въ брошюрѣ „Нѣмецкая міровая политика“ проф. Гассе писалъ: „Находящійся въ нашемъ распоряженіи міровой рынокъ будетъ становиться все тѣснѣе. По мѣрѣ роста производительности нѣмецкой индустріи будетъ возрастать ненависть противъ насъ у всѣхъ старыхъ и новыхъ культурныхъ народовъ. Если тогда наши соперники на востокѣ и западѣ протянутъ другъ другу руки для экономической войны противъ насъ, тогда..... намъ придется вести борьбу за свое существованіе. А изъ экономической борьбы вырастутъ и, вѣроятно, скоро кровавыя коалиціонныя войны“ [2]). Въ предвидѣніи такого будущаго проф. Гассе рекомендовалъ тѣснѣйшій союзъ съ Австро-Венгріей и возможно большее колоніальное расширеніе, при чемъ, какъ и подобаетъ имперіалисту, онъ не останавливался передъ опасностью войны: „Въ худшемъ случаѣ германская политика не должна отступать передъ примѣненіемъ силы противъ другихъ культурныхъ народовъ“ [3]), если съ стороны встрѣтится препятствіе колоніальному расширенію Германіи.

Въ 1900 г. Тирпицъ договорилъ до конца свою мысль

---

[1]) Пангерманскій союзъ былъ основанъ въ половинѣ 80-хъ годовъ. Преобразованный въ 1895 г., онъ выступилъ съ пропагандой наступательной имперіалистической политики. Въ то время союзъ насчитывалъ до 10 тыс. членовъ, принадлежавшихъ большею частью къ вліятельнымъ кругамъ буржуазіи и бюрократіи. Позже его вліяніе еще сильно возросло. По указанію и подъ руководствомъ этого союза вели свою агитацію въ народѣ Союзъ обороны (Vehrwerein) и союзъ флота (Flottenverein) Первый изъ нихъ въ 1913 г. насчитывалъ 278 тыс. членовъ, а второй—332000. Пангерманскій союзъ пользовался также большимъ вліяніемъ на прессу.

[2]) Prof. Dr. E. Hasse, Deutsche Weltpolitik, München 1897, стр. 7.

[3]) ib.,стр. 14.

потребовавъ постройки еще 19 броненосцевъ и 23 крейсеровъ. По этому законопроекту постройку всего флота предполагалось закончить къ 1917 году, фактически же программа судостроенія была закончена раньше—въ 1912 г.

Германскія вооруженія на морѣ вызвали тревогу въ Англіи. Какъ для островного государства, для Англіи флотъ имѣлъ несравненно большее и нѣсколько иное значеніе, чѣмъ для Германіи. Въ Англіи разсуждали приблизительно такъ: Намъ флотъ необходимъ для обороны, съ того момента, когда Германія сравняется съ нами въ морскомъ могуществѣ, мы будемъ въ полномъ подчиненіи у нея: она отрѣжетъ наши пути сообщенія съ колоніями, и мы, не имѣя у себя ни хлѣба, ни почти всѣхъ сырыхъ продуктовъ для индустріи, должны будемъ или умереть съ голоду или сдаться Германіи; наоборотъ, нашъ флотъ ей не угрожаетъ, потому что ея границы—сухопутныя, и она имѣетъ лучшую въ Европѣ армію: черезъ сухопутныя границы и нейтральныя государства она и въ случаѣ нашей блокады найдетъ связь со всѣми другими странами. Волненіе въ Англіи было велико, а сторонники воинственнаго національнаго націонализма старались еще раздуть его, и ненависть доходила до того, что въ англійской націоналистической прессѣ раздавались открытыя требованія напасть на Германію и уничтожить ея флотъ, пока онъ еще слабъ. Идея „превентивной“ войны, которую потомъ проповѣдовалъ въ Германіи противъ Англіи генералъ Бернгарди, родилась впервые не въ его головѣ и не въ Германіи вообще, а въ Англіи, такъ что напрасно наша націоналистическая пресса въ началѣ войны приводила эту проповѣдь генерала Бернгарди, какъ образецъ „нѣмецкаго варварства“. Варварство—конечно, только не исключительно нѣмецкое.

Годы постройки нѣмецкаго флота совпали съ бурской войны, оказавшейся для Англіи гораздо болѣе тяжелой, чѣмъ сперва думали. Война была непопулярна и въ самой Англіи. Одного этого было достаточно для того, чтобы англійская внѣшняя политика не дѣлала изъ постройки германскаго флота новаго инцидента для международныхъ осложненій. Она

терпѣливо сносила и задирающее ее поведеніе императора Вильгельма. Вмѣстѣ съ тѣмъ она стала исподволь подготовляться къ войнѣ, начавъ съ увеличенія своего боевого флота. Новая эпоха морскихъ вооруженій открывается въ Англіи постройкой броненосца Dreadnought (неустрашимый), который далъ названіе своему классу современныхъ гигантской величины броненосцевъ. Германія отвѣтила со своей стороны переходомъ къ кораблямъ того же типа въ 1906 г., затѣмъ дредноуты смѣнились сверхъ-дредноутами, и началась бѣшеная скачка вооруженій на морѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Англія прибѣгла и къ другому средству оградить себя отъ германской опасности. Это — такъ наз. въ нѣмецкой литературѣ „политика окруженія“ Германіи путемъ англійскихъ договоровъ съ другими странами. Иниціаторомъ этой политики считаютъ короля Эдуарда VII, вступившаго на англійскій престолъ въ 1901 г. Въ 1903 г. Эдуардъ былъ въ Парижѣ и воспользовался этимъ визитомъ для того, чтобы уничтожить послѣднія тренія между Англіей и Франціей на почвѣ колоніальной конкуренціи въ Африкѣ. Личные переговоры Эдуарда съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Делькассе въ Парижѣ привели къ формальному договору 8 апр. 1904 г., согласно которому Франція отказалась отъ всякихъ притязаній въ Египтѣ, предоставляя его цѣликомъ Англіи (Египетъ принадлежалъ формально Турціи), Англія же взамѣнъ того предоставила Франціи полную свободу дѣйствій въ Марокко. Марокко, сосѣднее съ французскимъ Алжиромъ независимое государство, было въ то время предметомъ спора между султаномъ Абдулъ-Асизомъ и его братомъ Мулай-Гафидомъ. Этой борьбой двухъ претендентовъ на марокканскій престолъ Франція воспользовалась для подчиненія Марокко себѣ подъ видомъ „организаціи въ Марокко режима, который положитъ конецъ анархіи.“ „Договоръ этотъ не былъ направленъ противъ кого бы то ни было“, думаетъ проф. Дени. Въ Германіи думали иначе. Въ Марокко имѣются богатыя залежи желѣзной руды. Нѣмецкая фирма бр. Маннесманъ пріобрѣла эти руд-

ники, давъ взятки обоимъ претендентамъ на марокканскій престолъ. Германія уже въ то время нуждалась въ ввозѣ желѣзной руды. Предпріятіе бр. Маннесманъ казалось цѣннымъ, и хотя это была одна только фирма, она умѣла двинуть на свою защиту не только министерство иностр. дѣлъ и канцлера, но и самого Вильгельма. Послѣдній предпринялъ въ 1905 г. поѣздку на востокъ, заѣхалъ въ Танджеръ, столицу Марокко, былъ торжественно принятъ султаномъ Абдулъ-Асизомъ и произнесь рѣчь, обѣщая „охранять суверенитетъ султана и независимость страны". Слова эти были немедленно переданы нѣмецкимъ телеграфнымъ агентствомъ къ свѣдѣнію Франціи и Англіи, и такимъ образомъ начался первый Марокканскій инцидентъ, закончившійся мирно въ пользу Франціи на конференціи державъ въ небольшомъ испанскомъ городкѣ Алжесирасѣ. За Франціей было признано исключительное право полиціи въ Марокко, но Франція обязывалась предоставить подданнымъ всѣхъ европейскихъ державъ свободу экономической дѣятельности въ Марокко. Неожиданное вмѣшательство Вильгельма въ дѣлежъ колоніальной добычи между Франціей и Англіей еще больше сблизило обѣ эти страны и заставило ихъ дипломатію работать въ направленіи антигерманской коалиціи.

Послѣ окончанія русско-японской войны королю Эдуарду удалось при помощи французской дипломатіи установить хорошія отношенія съ Россіей и даже заключить съ нею договоръ 31 авг. 1901 г., раздѣлившій въ Персіи русскую и англійскую „сферы вліяній" и обязывавшій обѣ эти страны не вести агрессивной политики въ Афганистанѣ и Тибетѣ, гдѣ ихъ интересы были противоположны. Такимъ образомъ между Англіей и Россіей было установлено соглашеніе во всѣхъ ближайшихъ вопросахъ колоніальной политики.

Съ Италіей у Франціи еще раньше установились дружественныя отношенія, а между Россіей и Италіей сближеніе обозначилось на свиданіи въ Ракониджи въ 1909 г. Отъ Англіи Италія находилась въ экономической зависимости, и англійская дипломатія методично работала въ томъ напра-

вленіи, чтобы оторвать Италію отъ ея союза съ Австріей и Германіей.

Англія старалась создать усиливавшейся Германіи противовѣсъ въ группѣ другихъ континентальныхъ державъ. Съ традиціонной англійской точки зрѣнія эта политика есть политика равновѣсія силъ на европейскомъ континентѣ. Если такое равновѣсіе существуетъ, Англія можетъ играть роль вѣсовой стрѣлки, опредѣляя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какая сторона должна перетянуть вѣсы на свою сторону. Въ Германіи же эта англійская политика сознавалась, какъ стремленіе со всѣхъ сторонъ держать Германію подъ угрозой, окружить ее противниками, преградить ей всѣ пути къ расширенію ея политическаго вліянія и тѣмъ болѣе къ колоніальному расширенію. Въ господствующихъ классахъ Германіи подъ вліяніемъ этого начинаетъ складываться все болѣе и болѣе воинственное настроеніе по отношенію къ Англіи. Союзъ пангерманцевъ то ведетъ агитацію за усиленіе арміи и флота, то требуетъ отъ правительства еще болѣе энергичной внѣшней политики противъ Англіи. Въ послѣднее передъ войной десятилѣтіе политика правящихъ классовъ Германіи уже не идетъ просто за правительствомъ, какъ это было въ годы постройки флота, но она толкаетъ впередъ правительство Вильгельма II, который кажется уже имперіалистамъ недостаточно смѣлымъ и слишкомъ миролюбивымъ. Это обнаружилось яснѣе всего во время второго марокканскаго кризиса—лѣтомъ 1911 г.

Въ это время Франція предприняла подъ видомъ помощи „законной власти“ султана Мулай-Гафида военную экспедицію въ Фецъ, закончившуюся взятіемъ этого города, хотя туземцы и не думали вести войну съ Франціей. Германія со своей стороны отправила въ Марокко военное судно „Пантеру“ тоже якобы для защиты своихъ подданныхъ, которымъ впрочемъ въ Агадирѣ, гдѣ пристала „Пантера“, никто не угрожалъ, если только тамъ вообще были германскіе подданные. Появленіе германскаго военнаго судна въ Марокко было понято французскимъ правительствомъ такъ, какъ и слѣдо-

вало его понимать, т.-е. что Германія требуетъ отъ Франціи отступного. Начались дипломатическіе переговоры, едва не кончившіеся войной. Въ нихъ вмѣшалась Англія, потому что домогательства Германіи уничтожали цѣнность англо-французскаго договора 1904 г. и англо-французское сближеніе теряло бы всякую реальную почву (съ точки зрѣнія его авторовъ), если бы Германія настояла на своемъ и не позволила бы Франціи проводить ея политику постепеннаго завоеванія Марокко. Благодаря вступленію въ переговоры Англіи Германія умѣрила свои требованія и удовлетворилась уступкой ей части французскаго Камеруна. Вмѣшательство Англіи вызвало въ Германіи цѣлую бурю націоналистическихъ страстей. Нѣмецкая націоналистическая пресса рвала и метала, требовала войны и высмѣивала уступчивость Вильгельма. Въ рейхстагѣ была внесена интерпелляція и были произнесены воинственныя рѣчи представителями консервативной и націоналъ-либеральной партій. На это засѣданіе рейхстага явился кронпринцъ и демонстративно аплодировалъ вождю консерваторовъ Гейдебранду, когда тотъ рѣзко критиковалъ уступчивость правительства. Съ этого времени въ нѣмецкой націоналистической прессѣ установилось еще болѣе враждебное отношеніе къ Англіи. Подъ вліяніемъ настроенія, охватившаго тогда верхи общества, была написана извѣстная книга генерала Бернгарди [1]) со слѣдующимъ эпиграфомъ изъ Ницше: „Война и мужество совершили больше великихъ дѣлъ, чѣмъ любовь къ ближнему. Не ваше состраданіе, а ваша храбрость спасали до сихъ поръ несчастныхъ. Вы спрашиваете, что есть добро? Добро— быть храбрымъ“. Въ этой много цитированной книгѣ генералъ Бернгарди проповѣдуетъ нѣмецкому правительству и народу не только право, но и обязанность воевать и объявлять войну только ради экономическихъ выгодъ и политическаго усиленія своего государства. „Міровая политика или

[1]) Fr. von Bernhardi, Deutschland und der nächste Krieg. Первое изданіе вышло въ 1912 г.

упадокъ"—передъ такой дилеммой, по мнѣнію Бернгарди, стоитъ Германія. Не безъ основанія Бернгарди говоритъ, что въ Европѣ—только „повидимому мирное положеніе", въ дѣйствительности же идетъ война, экономическая и дипломатическая. Вслѣдъ за книгой Бернгарди скоро появилась въ свѣтъ еще болѣе воинственная книга подполковника Фробеніуса [1]), которому кронпринцъ счелъ нужнымъ по этому поводу засвидѣтельствовать свое благоволеніе.

Было бы однако ошибочнымъ, какъ это часто дѣлалось, брать эти литературныя выраженія воинственнаго настроенія, какъ доказательство что Германія хотѣла войны. Это—еще не Германія, а только очень небольшой слой германскаго общества. Правда, этотъ небольшой слой былъ очень вліятельнымъ, но справедливость требуетъ сказать, что люди, отвѣтственные за германскую политику, поддались этому вліянію не безъ сопротивленія. То же самое нужно сказать и объ Англіи. И тамъ литературные шовинисты не медлили объявить Германіи войну еще въ началѣ столѣтія и потомъ объявляли ее чуть не ежегодно. Но въ Англіи еще больше, чѣмъ въ Германіи, эти люди находили себѣ противовѣсъ въ настроеніи большинства. Правительства же обѣихъ странъ дѣлали неоднократно попытки предотвратить кровавый конецъ. Попытки эти, правда, ни къ чему не привели, потому что оба правительства, при всемъ ихъ желаніи избѣгнуть войны или оттянуть ее возможно дольше, не отказывались отъ основного принципа имперіалистической политики, тащившаго ихъ къ войнѣ съ неумолимой силой естественнаго въ ихъ положеніи закона—оба правительства не хотѣли отказаться отъ цѣли стать господами положенія во внѣшней политикѣ, чтобы дать максимальныя выгоды капиталистическимъ интересамъ своей страны въ ущербъ конкурентамъ.

Въ соотвѣтствіи съ очерченнымъ выше различіемъ положенія мирныя попытки исходили преимущественно со сто-

[1]) H. Frobenius. Des deutschen Reiches Schicksalstunde. Berlin 1914.

роны Англіи. На Гаагской конференціи Англія предлагала ограничить вооруженія. Германія отклонила это предложеніе: оно казалось ей невыгоднымъ, такъ какъ при остановкѣ новыхъ построекъ военныхъ судовъ закрѣплялось бы навсегда существовавшее въ то время превосходство англійскихъ морскихъ силъ. Послѣ того заговаривали о соглашеніи при посѣщеніи королемъ Эдуардомъ Берлина въ 1909 г. и при поѣздкѣ императора Вильгельма въ Лондонъ. Оба монарха произнесли много миролюбивыхъ фразъ безъ всякаго результата для политики, шедшей указаннымъ выше путемъ. Послѣдняя попытка къ соглашенію была предпринята англійскимъ правительствомъ, пославшимъ дла этой цѣли въ 1912 г. въ Берлинъ лорда Хольдэна. Какъ разъ въ это время Германія готовилась къ новому увеличенію флота. Хольдэнъ отъ имени своего правительства заявилъ, что Англія безъ вызова не нападетъ на Германію и воздержится отъ всякой агресивной политики противъ нея, что ни въ одномъ изъ заключенныхъ до этого времени Англіей договоровъ не предусмотрѣно нападеніе на Германію и что Англія не вступитъ ни въ какое соглашеніе съ такой цѣлью. Бетманъ-Гольвегъ этимъ не удовлетворился и не согласился обсуждать вопроса объ ограниченіи вооруженій, пока Англія не обяжется къ нейтралитету во всякой войнѣ, которая будетъ „навязана“ Германіи. Асквитъ и Грей со своей стороны не согласились на это, потому что понятіе „навязанной“ войны казалось имъ слишкомъ неопредѣленнымъ, какъ оно и подтвердилось впослѣдствіи.

Если теперь одна сторона обвиняетъ другую въ заранѣе обдуманномъ намѣреніи вызвать войну во что бы то ни стало въ опредѣленное время, то эти обвиненія кажутся намъ преувеличенными: ни въ Англіи ни въ Германіи никто изъ государственныхъ людей не обладалъ такой демонической натурой, чтобы непремѣнно стремиться къ міровому пожару. Наоборотъ, вся обстановка постепенно нараставшаго кризиса скорѣй говоритъ за то, что государственные люди обѣихъ сторонъ были слишкомъ слабы, чтобы успѣшно бороться съ

обстоятельствами, толкавшими ихъ въ опредѣленную сторону сперва взаимнаго недовѣрія, потомъ соперничества и, наконецъ, открытой вражды вплоть до такого состоянія, когда въ страхѣ сжимаютъ заряженный револьверъ, не отдавая себѣ отчета, когда именно спустится курокъ и грянетъ первый выстрѣлъ. Мы не видимъ пока политика, который бы творилъ исторію по своей волѣ, наоборотъ исторія—въ данномъ случаѣ экономическое развитіе обѣихъ странъ,—ихъ капиталистическіе интересы — навязывали опредѣленныя враждебныя отношенія ихъ политическимъ вождямъ.

2) Русско-германско-австрійскія противорѣчія интересовъ

Развитіе имперіализма въ Россіи

Въ Россіи не можетъ быть и рѣчи о какихъ бы то ни было серьезныхъ экономическихъ предпосылкахъ для политики расширенія наподобіе нѣмецкой. Наша земля попрежнему „велика и обильна“ природными богатствами, но бѣдна населеніемъ, а населеніе бѣдно деньгами. Внутреній рынокъ представляетъ собою незаполненный резервуаръ для всякаго рода индустріи и неизмѣримое поприще приложенія капитала не только своего, но и чужого. Мы были и остаемся колоніей для англичанъ, бельгійцевъ, французовъ и нѣмцевъ. Мы вывозимъ сырье и сельскохозяйственные продукты и ввозимъ продукты квалифицированной индустріи. Мы старались привлекать къ себѣ иностранные капиталы и въ этомъ стремленіи часто распродавали за безцѣнокъ свои природныя богатства. Эти отношенія къ западно-европейскому рынку существеннымъ образомъ не измѣнились и теперь или только совсѣмъ недавно начали измѣняться.

Если тѣмъ не менѣе политика территоріальнаго расширенія и въ Россіи отнюдь не была неслыханной, а совсѣмъ наоборотъ—привычной, то движущими силами этой политики до русско-японской войны были другія силы, отличныя отъ тѣхъ, которыя мы находимъ теперь въ Западной Европѣ.

Еще во время японской войны наша внѣшняя политика имѣла всѣ характерныя черты политики эпохи, такъ наз., просвѣщеннаго абсолютизма въ XVII и XVIII вѣкахъ. Экономическая основа такой политики состояла въ томъ, что при наличности міровой торговли и широко развитаго денежнаго обращенія слабое развитіе производительныхъ силъ внутри страны ставило извѣстныя границы денежной силѣ государства, а слѣдовательно блеску и могуществу дворовъ, въ то время бывшихъ единственнымъ факторомъ, опредѣлявшимъ политику государей. Перешагнуть эти границы стремились путемъ завоеваній по всѣмъ возможнымъ направленіямъ. Территоріальныя пріобрѣтенія давали новые источники дохода казнѣ, увеличивали силу государства и дѣлали въ свою очередь возможнымъ новыя завоеванія или по крайней мѣрѣ займы. Для правящей бюрократіи при такой политикѣ всегда открывались широкія возможности личнаго обогащенія и карьеры. Само собою разумѣется, что такая политика одновременно истощала основное ядро государства и потому встрѣчала оппозицію пробуждающейся и достигающей политической зрѣлости буржуазіи. Такія традиціи, унаслѣдованныя отъ екатерининскихъ временъ, руководили нашей политикой на Дальнемъ Востокѣ, вплоть до японской войны, и вызывали рѣзкую критику во всѣхъ слояхъ общества. При самомъ объявленіи японской войны передовицы всѣхъ нашихъ газетъ, за исключеніемъ правительственныхъ, отнеслись къ этому факту безъ всякаго воодушевленія, а въ дальнѣйшемъ теченіи войны недовольство дальне-восточной политикой сказалось еще сильнѣе. Японскіе генералы были у насъ едва ли не популярнѣе, чѣмъ свои собственные. Пораженія генерала Куропаткина вызывали больше злорадства, чѣмъ сожалѣнія, и окончаніе войны внѣшней закончилось штурмомъ „нашего внутренняго Портъ-Артура“, какъ остроумно выразилось тогда, кажется, „Новое Время“.

Къ этому періоду относится наибольшая дружба офиціальной Россіи съ Германіей. Германія въ то время „фланкировала“ нашу западную границу, остававшуюся фактически

беззащитной, и оказывала дружеское вниманіе нашему правительству при ликвидаціи войны, болѣе тяжелой внутри, чѣмъ во внѣ. Объ этой германской дружбѣ свѣжи еще преданія въ нашемъ обществѣ, въ нѣмецкихъ же государственныхъ архивахъ, какъ увѣряетъ, награжденный русскимъ орденомъ, нѣмецкій профессоръ Шиманнъ [1]), сохранилось благодарственное письмо къ Вильгельму отъ Николая II. Японская война принесла, наоборотъ, нѣкоторое охлажденіе въ франко-русскій союзъ. Увѣренность же нашего правительства въ Германіи была настолько полной, что послѣдовало перемѣщеніе части войскъ съ западной границы во внутреннюю Россію.

Первое время послѣ японской войны наша политика была оріентирована еще въ дальне-восточномъ направленіи, что нашло себѣ выраженіе въ постройкѣ дорогой Амурской дороги. Въ Государственной Думѣ это предпріятіе встрѣчало поддержку справа и оппозицію слѣва. Первые признаки новой оріентировки внѣшней политики появились только послѣ персидской революціи. Использованіе ее въ интересахъ нашего расширенія въ эту сторону справа также встрѣчало оппозицію въ Думѣ, особенно потому, что оно велось методами полковника Ляхова, о дѣйствіяхъ котораго былъ внесенъ въ Гос. Думу запросъ. Въ прогрессивныхъ слояхъ общества персидскій меджилисъ пользовался большимъ сочувствіемъ, а работа русской дипломатіи, особенно Гартвига, такимъ же несочувствіемъ. Однако можно уже было наблюдать нѣсколько иное отношеніе, чѣмъ въ періодъ японской войны, къ нашей внѣшней политикѣ, которая перемѣнила свой объектъ, но не манеры. Правыя группы въ Думѣ одобряли, какъ и все, исходящее отъ правительства, агрессивность нашей политики въ Персіи, и это одобреніе все дальше распространялось налѣво по мѣрѣ того, какъ аггрессивная политика оказывалась все болѣе успѣшной, особенно послѣ заключенія соглашенія съ Англіей, не встрѣтившаго возраженій со стороны

---

[1]) Th. Schiemann. Die letzten Etappen zum Weltkrieg. Berlin 1915 стр. 242.

либеральной оппозиціи, хотя оно такъ же мало, какъ и дальне-восточная авантюра, согласовалось съ прежнимъ основнымъ взглядомъ либераловъ, что Россіи нужны только внутреннія реформы, а не внѣшніе успѣхи. Къ этому времени въ нашей либеральной печати уже не было прежней принципіальности въ этомъ отношеніи.

Затѣмъ въ нашей политикѣ наступаетъ періодъ колебаній между дальне-восточнымъ и ближне-восточнымъ направленіемъ. Первое изъ нихъ связано съ германской дружбой и англійской враждой, второе, наоборотъ, съ англійской дружбой и германской враждой. Эта связь географической и политической оріентировки совершенно очевидна. Съ нѣмецкой точки зрѣнія наше устремленіе на Дальній Востокъ можетъ только привѣтствоваться. Оно отвлекаетъ наши военныя силы отъ западной границы и, поэтому, не только облегчаетъ военную оборону Германіи отъ Россіи, но и ослабляетъ въ военномъ отношеніи франко-русскій союзъ, что Германіей уже было использовано при первомъ ея вступленіи въ Марокко въ 1905 г. Политически это выгодно Германіи еще и потому, что такое направленіе русской политики создаетъ для Россій возможность конфликтовъ съ другими сильными державами, Японіей и Англіей, слѣдовательно дѣлаетъ Россію болѣе уступчивой по отношенію къ Германіи и менѣе предпрімчивой на Ближнемъ Востокѣ. Ближній же Востокъ пріобрѣлъ для Германіи исключительно большое значеніе послѣ постройки Багдадской жел. дороги. Мы уже указывали, что Малая Азія является для германскаго имперіализма единственной страной, гдѣ имѣется не только свободное мѣсто для приложенія капитала, но и населеніе, которое можно эксплуатировать, какъ покупателей нѣмецкихъ товаровъ и какъ рабочихъ въ нѣмецкихъ предпріятіяхъ, чего недостаетъ собственнымъ нѣмецкимъ колоніямъ. Здѣсь Германія желала бы имѣть возможно меньше конкурентовъ, и, такъ какъ ея интересы здѣсь уже сталкивались съ англійскими и отчасти французскими, то для нея было бы въ высшей степени важно, чтобы Россія, имѣвшая старыя притязанія насчетъ Турціи

держалась по возможности далеко отъ этой арены имперіалистическаго соревнованія.

Еще важнѣе было другое соображеніе. Союзникомъ Германіи является Австро-Венгрія, вовсе не имѣющая колоній. Единственнымъ внѣшнимъ рынкомъ, на которомъ сравнительно отсталая Австрія можетъ конкурировать съ другими западно-европейскими странами, является Балканскій полуостровъ. Тутъ благодаря географической близости она способна къ экономической борьбѣ съ другими. Старыя австрійскія притязанія на господство на Балканскомъ полуостровѣ находятъ себѣ, поэтому, внутреннюю опору въ ея капиталистическихъ интересахъ. Можно сказать, что кромѣ Балканскаго полуострова у Австріи вообще нѣтъ никакихъ видовъ на экономическое расширеніе. Къ этому присоединяются политическіе интересы. Австрія составлена изъ мелкихъ народовъ и осколковъ народовъ, среди которыхъ и въ Австріи, и въ Венгріи большинство составляютъ славяне [1]). Удержаніе ихъ въ предѣлахъ австрійской имперіи было возможно лишь благодаря ихъ экономической и культурной отсталости, разноплеменности, численной слабости отдѣльныхъ племенъ и междоусобной борьбѣ. Среди этихъ племенъ сербо-хорваты на югѣ Австріи пріобрѣли большое значеніе угрозы австрійскимъ интересамъ съ тѣхъ поръ, какъ освободившаяся отъ турецкаго ига Сербія стала самостоятельнымъ государствомъ съ демократической конституціей. Такая Сербія является естественнымъ центромъ притяженія для австрійскихъ сербовъ, по отношенію къ которымъ Австрія практиковала всѣ средства національнаго и политическаго угнетенія (см. ниже).

На сѣверѣ Австріи расположена славянская Богемія, страна старой, прочной, неистребимой культуры. Въ ея стремленіи къ автономіи Австрія видѣла большую опасность для себя потому что чехи въ своихъ политическихъ стремленіяхъ могли

[1]) Изъ 28,5 милліоновъ австрійскаго населенія славяне составляютъ 15,8 милл., а именно: 6,5 милл.—чехи, 3,8 милл.—поляки, 3,5 милл.—украинцы, 2 милл. южные славяне (словинцы и сербо-хорваты).

легко находить себѣ союзниковъ среди другихъ славянъ, а на случай внѣшнихъ затрудненій казались австрійцамъ ненадежными. Поляки и украинцы въ Галиціи-также элементъ чуждый австрійской государственности. Если бы рядомъ съ Галиціей была свободная Польша, сильное сепаратистское стремленіе было бы также неизбѣжнымъ и среди поляковъ. Величайшимъ счастіемъ для Австріи было недостойное положеніе Польши въ Россіи. Это ненормальное положеніе привело къ антиестественному сепаратизму, при которомъ не маленькій осколокъ польской націи въ Галиціи тянулся къ основной массѣ своего народа, включеннаго въ составъ Россійской имперіи, а наоборотъ, многочисленные элементы этой массы къ небольшому осколку въ Галиціи. Этотъ фактъ опредѣлилъ собою въ концѣ концовъ и отношеніе австрійскаго правительства къ украинцамъ. Подобно тому, какъ Краковъ, а не Варшава, сталъ центромъ свободной политической мысли польскаго народа, Австрія въ послѣдніе передъ войной годы могла съ удовольствіемъ видѣть, что и Львовъ становится такимъ же притягательнымъ центромъ для украинцевъ. Если въ этомъ случаѣ обратный сепаратизмъ не развился, то это потому, что австрійское украинофильство парализовалось австрійскимъ же полонофильствомъ: уступки украинцамъ наталкивались на сопротивленіе поляковъ въ Галиціи. Другой причиной является существенно иное отношеніе украинцевъ къ Россіи. Украинскій сепаратизмъ искусственно поддерживался у насъ нелѣпой полицейской политикой въ духѣ стараго режима: Пока старый режимъ въ Россіи былъ проченъ, Австрія могла полагаться на свое галиційское населеніе. Но съ того момента, какъ этотъ режимъ началъ трещать, національный вопросъ въ Австріи сталъ принимать все болѣе и болѣе опасный характеръ. Отсюда преувеличенные страхи Австріи передъ панславизмомъ. Призракъ панславизма является въ Австріи всякій разъ, когда заходитъ рѣчь о Россіи. Нужды нѣтъ, что у насъ панславизмъ далеко не пользуется и не пользовался никогда общимъ признаніемъ. То, что называетъ австрійскій политикъ панславизмомъ, чего

онъ пуще всего боится, есть просто пробужденіе національнаго сознанія австрійскихъ угнетенныхъ славянъ, которые до сихъ поръ не столько притягивались Россіей, сколько отталкивались отъ Австріи самой же Австріей, ея несправедливой внутренней національной политикой.

На этомъ основывается внутренняя непріязнь Австріи къ Россіи, которая останется неистребимой до тѣхъ поръ, пока останется неразрѣшеннымъ національный вопросъ въ Австріи и которая естественно чрезвычайно склонна къ обострению тогда, когда во внѣшней политикѣ Россія движется въ направленіи, пересѣкающемъ австрійскіе интересы. Всякое усиленіе Россіи на Балканахъ воспринимается въ Австріи, какъ смертельная опасность.

Но цѣлая и крѣпкая Австрія составляетъ неотъемлемое условіе германскаго имперіализма. Австрія—главный пролетъ моста между Берлиномъ и Константинополемъ. Если ея существованіе не обезпечено прочно, связь Германіи съ Ближнемъ Востокомъ становится ненадежной. Дальнѣйшіе пролеты того же балканскаго моста—Сербія и Болгарія—также могутъ находиться въ распоряженіи Германіи не непосредственно, а только черезъ Австрію. Однако этого было бы достаточно для того, чтобы Германія защищала австрійскіе интересы на Балканахъ, какъ свои собственные. Къ этому нужно еще прибавить, что военная сила Германіи въ Европѣ весьма существенно дополняется австрійскими военными силами. И по своимъ собственнымъ интересамъ и по интересамъ Австро-Венгріи Германія не могла смотрѣть безъ тревоги на то, какъ послѣ японской войны русская политика снова возвращается на Ближній Востокъ. Правда, Персія еще далека отъ того, что называется въ политикѣ ближневосточной проблемой, но все же она находится въ непосредственномъ географическомъ сосѣдствѣ съ нею.

Отношеніе Англіи къ русской активности на Ближнемъ Востокѣ было точно такимъ же въ то время, когда тамъ еще не было Германіи и когда со стороны Россіи англійскимъ интересамъ грозила русская гегемонія. Поэтому Англія защи-

щала Турцію въ Севастопольской войнѣ и сохранила до самаго послѣдняго времени опредѣленно враждебное отношеніе къ выходу Россіи въ Средиземное море.

Но съ тѣхъ поръ, какъ проведена Багдадская дорога и нѣмецкія щупальца протягиваются черезъ всю Турцію съ одной стороны къ Месопотаміи и Персидскому заливу, а съ другой—къ Палестинѣ и Аравіи и, слѣдовательно, къ Египту, отношеніе Англіи измѣнилось. Не будучи въ состояніи одна удержать всѣхъ своихъ конкурентовъ, она должна изолировать сильнѣйшаго, какимъ и въ этомъ мѣстѣ являлась до войны Германія, а не Россія. Преградивъ путь Россіи на Дальнемъ Востокѣ союзомъ съ Японіей, Англія не могла болѣе желать вражды съ нами. Наоборотъ, общее политическое положеніе, ея основные интересы, описанные нами выше, настойчиво требовали сближенія съ Россіей, хотя бы и цѣною нѣкоторыхъ уступокъ. На эти уступки Англія шла нехотя: только во время самой войны она согласилась предоставить Россіи завладѣть турецкими проливами. До войны она надѣялась ограничиться меньшимъ. Но основной линіей ея поведенія было привлеченіе Россіи на свою сторону. По своему положенію она могла это сдѣлать гораздо легче, чѣмъ Германія, такъ какъ британскій имперіализмъ, поддерживая Россію на Ближнемъ Востокѣ, не поступался ничѣмъ существеннымъ—Индія и Египетъ этими уступками не затрогивались, тогда какъ Германія, наоборотъ, не могла здѣсь дѣлать никакихъ уступокъ, потому что ея колоніальная дѣятельность въ Турціи—это главная часть всей ея колоніальной политики. Она могла имѣть будущее только при условіи, что непрерывность пути „Берлинъ-Багдадъ“ будетъ сохранена и усовершенствована и что Турція останется неподѣленной, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока Германія не обезпечитъ за собой въ экономическомъ и военномъ отношеніи господство въ Малой Азіи и Месопотаміи.

Конкуренція между Германіей и Англіей въ привлеченіи Россіи на свою сторону выразилась въ визитахъ монарховъ этихъ государствъ къ Николаю II и въ дипломатическихъ

соглашеніяхъ на той почвѣ, какая была дана активностью Россіи въ этомъ мѣстѣ. Первые годы послѣ революціоннаго движенія русская политика выступала активно въ Персіи. Англія и Германія поспѣшили заключить съ Россіей соглашеніе относительно этого пункта. Англо-русская конвенція о Персіи 1907 г. разграничила сферу вліянія обѣихъ державъ въ Персіи и одновременно устранила всѣ другіе спорные вопросы: было достигнуто взаимное обязательство не вести никакой активной политики ни въ Тибетѣ, ни въ Афганистанѣ. Это соглашеніе было очень большимъ успѣхомъ политики Эдуарда VII. Устранялись всѣ возможныя осложненія, которыя въ болѣе серьезный моментъ могли бы помѣшать англо-русскому сближенію. Германіи Персія не касалась такъ близко: Германія не могла тамъ ни содѣйствовать, ни противодѣйствовать Россіи, какъ Англія. Къ расширенію русскаго вліянія въ Персіи въ Германіи относились съ завистью, какъ ко всякимъ чужимъ колоніальнымъ успѣхамъ, что и естественно для психологіи голоднаго имперіализма. Германское правительство, однако, отнюдь не было противъ русскихъ дѣйствій въ Персіи, что было доказано впослѣдствіи въ Потсдамскомъ договорѣ, оно было бы даже готово поощрить ихъ, еслибы оно было увѣрено, что дальнѣйшее направленіе русской политики пойдетъ къ Персидскому заливу, а не свернетъ въ сторону Турціи. Это случилось послѣ турецкой революціи 1908 г.

Революціонный переворотъ въ Турціи заставилъ сейчасъ же насторожиться всѣхъ сосѣдей, имѣвшихъ въ ней какіе-либо интересы. Болгарія, находившаяся въ чисто формальной зависимости отъ Турціи, поспѣшила разорвать эту зависимость и объявить себя королевствомъ. Австрія, оккупировавшая „временно“ со времени русско-турецкой войны Боснію, Герцеговину и Новобазарскій санджакъ, захотѣла теперь,— благо Турція была безсильна протестовать—укрѣпить за собой навсегда эти владѣнія. Въ сентябрѣ 1908 г. австро-венгерскій министръ иностран. дѣлъ имѣлъ свиданіе съ нашимъ министромъ ин. дѣлъ Извольскимъ въ Бухлау. Онъ запро-

силъ его, какъ отнесется Россія къ аннексіи Босніи и Герцеговины. Извольскій отвѣтилъ въ томъ духѣ, что если Австрія нарушитъ берлинскій трактатъ въ своихъ цѣляхъ, то справедливость требуетъ, чтобы и другія заинтересованныя этимъ трактатомъ стороны имѣли какія-нибудь выгоды. Болгарія получаетъ компенсацію въ признаніи ея независимости, но что же получаютъ Сербія и Россія? Для Россіи въ качествѣ компенсаціи Извольскій указалъ на открытіе проливовъ для русскихъ военныхъ судовъ.

Изъ этого разговора Эренталь вынесъ увѣренность, что Россія во всякомъ случаѣ не начнетъ войны изъ-за Босніи и Герцеговины. Ихъ аннексія Австріей и свершилась осенью того же года. Она вызвала въ Сербіи величайшее возбужденіе. Эти провинціи населены главнымъ образомъ сербами. Пока онѣ оставались турецкими, въ Сербіи не угасала надежда присоединить ихъ къ себѣ: постепенное разложеніе Турціи давало достаточныя основанія для этого. Наоборотъ, присоединеніе ихъ къ Австріи, неизмѣримо болѣе могущественной, означало для сербовъ крушеніе этихъ надеждъ. Сербское общественное мнѣніе и сербское правительство апеллировали къ Россіи. Россія, однако, оказалась безсильной помочь Сербіи. Въ дѣло вмѣшался германскій посолъ гр. Пурталесъ и угрозой войны заставилъ признать аннексію. Русское правительство рекомендовало и Сербіи сдѣлать то же самое.

Этотъ боснійскій кризисъ имѣлъ огромное значеніе. Тутъ Германія выступила совершенно опредѣленно противъ Россіи въ пользу безусловной защиты австро-венгерской захватной политики всѣми средствами вплоть до рѣшенія вести войну. Наоборотъ, Англія была на сторонѣ Россіи и поддерживала ея дипломатически. Дальше этой поддержки въ то время англійскій министръ иностр. дѣлъ Э. Грей еще не рѣшился итти. Теперь можно сказать, что это было очень хорошо, потому что, если бы англійская поддержка была болѣе энергична, столкновеніе имѣло бы болѣе шансовъ закончиться войной, а война въ то время застала бы Россію еще менѣе подготовленной, чѣмъ въ 1914 г. Такимъ образомъ кризисъ

миновалъ, но въ немъ намѣтились уже опредѣленно новыя группировки во внѣшней политикѣ.

Неудачное выступленіе Извольскаго въ Бухлау повело за собой его отставку. Въ нашей прессѣ поведеніе Извольскаго встрѣтило рѣзкую критику, но не за то, что онъ поставилъ вопросъ о проливахъ, который обнаружилъ, что Россія снова имѣетъ склонность къ агрессивной политикѣ на Ближнемъ Востокѣ, а за то, что онъ былъ слишкомъ уступчивъ, что онъ не грозилъ Австро-Венгріи войной за аннексію Босніи и Герцеговины. Обнаружились снова въ обществѣ симпатіи къ болѣе активной и болѣе рѣшительной, а въ то же время и болѣе рискованной внѣшней политикѣ, чѣмъ та, которую велъ Извольскій. Какимъ образомъ въ русскомъ обществѣ могли развиться такого рода симпатіи? Казалось бы, что еще сохраняло всю свою силу то соображеніе, что Россія нуждается только во внутреннихъ реформахъ, что она должна держаться подальше отъ всего, что можетъ угрожать миру.

Интересы Россіи въ цѣломъ несомнѣнно оставались такими и въ то время, но не такими оставались взгляды бо́льшинства нашего общества. За годы реакціи происходили непрерывно, а потому и незамѣтно, но чрезвычайно быстро большія соціальныя перемѣны. Пока съ демократической точки зрѣнія въ атмосферѣ „успокоенія“ казалось, что Россія идетъ колоссальными шагами назадъ въ сторону варварства, она въ дѣйствительности чрезвычайно быстро шла впередъ въ капиталистическомъ развитіи. Происходила огромная соціальная перегруппировка, капиталистическое накопленіе шло такъ быстро, какъ никогда раньше, увеличивалась власть денегъ, власть буржуазіи, которая благодаря Думѣ пріобрѣла и цѣнное для нея политическое вліяніе или возможность такого вліянія. Революціонный блокъ 1905 года распался на классы и классы богатые пошли въ сторону реакціи. Ихъ программой стало: „Сперва успокоеніе, потомъ реформы“. Это выразилось въ 3-й Думѣ въ поведеніи октябристскаго большинства. Объединеніе Столыпина съ Гучковымъ на почвѣ подавленія революціоннаго движенія дало такой режимъ, который

для демократическихъ слоевъ былъ ничѣмъ не лучше режима Плеве, почему стоящимъ въ этихъ слояхъ и казалось, что Россія во всѣхъ отношеніяхъ идетъ только назадъ, а не впередъ. Съ гучковской же точки зрѣнія дѣло представлялось совершенно инымъ. Буржуазія примирялась съ государственной властью, реализуя свои сепаратные интересы. Этотъ внутренній компромиссъ подставилъ возможность соглашенія и во внѣшней политикѣ.

Октябристы провозгласили лозунгъ „Россія для русскихъ". Время ихъ господства въ Думѣ было временемъ изступленнаго внутренняго націонализма, нашедшаго себѣ яркое выраженіе въ окрѣпнувшемъ антисемитизмѣ и подавленіи національныхъ стремленій окраиннаго населенія. Капитализмъ во всѣхъ странахъ проходитъ періодъ внутренней консолидаціи рынка, сопровождающійся рѣзкимъ націонализмомъ буржуазіи. Для западно-европейскихъ странъ это—пройденный этапъ развитія. У насъ онъ еще и сейчасъ незаконченъ.

Но у насъ онъ долженъ былъ развиться еще болѣе ярко, чѣмъ это имѣло мѣсто раньше, въ западно-европейскихъ государствахъ. Были для этого особыя экономическія причины, обусловленныя не нашими внутренними, а внѣшними условіями. Какъ мы указали, Россія является для западно-европейскаго капитала своего рода колоніей. Западно-европейскій капиталъ ввозитъ въ Россію и отвоевываетъ у русской буржуазіи ея внутренній рынокъ. Высокія ограничительныя пошлины хорошо защищаютъ отечественную промышленность отъ конкуренціи иностранныхъ товаровъ, но не иностраннаго капитала, который внутри страны основываетъ—прямо или при помощи подставныхъ лицъ—свои банки, строитъ фабрики и заводы, скупаетъ нефтеносныя земли и т. д. Нѣмецкій капиталъ въ послѣдніе годы принималъ дѣятельное участіе въ этой эксплуатаціи Россіи на ряду съ англійскимъ и бельгійскимъ. Достаточно указать на такой примѣръ, какъ электрическая промышленность, собственниками которой были у насъ извѣстныя нѣмецкія фирмы (Сименсъ и Гальске, Шуккертъ, Берлинская „Всеобщая компанія электричества") или на попытку Круппа скупить акціи Путиловскаго завода. Вотъ почва для

германофобства: это возмущеніе отечественной буржуазіи колонизуемой страны противъ одного изъ колонизаторовъ, это борьба колоніи, пробужденной къ капиталистической жизни, за свою капиталистическую самостоятельность. Если же спросить, почему именно въ концѣ концовъ противъ нѣмцевъ, а не противъ англичанъ или бельгійцевъ обратился этотъ національнизмъ, то нужно сказать, что логика здѣсь была не безупречная. Можетъ быть мы дождемся того, что и противъ англійскаго засилья будутъ не менѣе ратоборствовать, чѣмъ теперь противъ нѣмецкаго.

Другія (политическія) обстоятельства обратили вниманіе именно на нѣмецкое засилье, его сдѣлала злободневнымъ вопросомъ общая международная ситуація, а также и вопросъ о возобновленіи торговаго договора съ Германіей. У насъ установилось мнѣніе, что невыгодный для насъ договоръ былъ навязанъ намъ внѣшней силой Германіи, тогда какъ, по нашему мнѣнію, онъ былъ „навязанъ“ намъ тѣмъ, что авторы его, въ 1905 г., были абсолютно не способны по внутреннимъ причинамъ заключать выгодные торговые договоры. Къ пересмотру торговаго договора въ 1917 г. у насъ готовились какъ къ моменту, когда нужно будетъ помѣриться силами съ Германіей, и по всему настроенію нашей буржуазіи видно было, что она готова защищать интересы хотя бы военными силами. Внѣшнее военное усиліе именно противъ Германіи уже по одному этому встрѣчалось сочувственно. На самомъ дѣлѣ войною изъ-за торговаго договора Германія никогда не стала бы угрожать Россіи, а кромѣ того, было величайшей ошибкой думать, что дѣло было въ нашей военной мощи или немощи. Если бы Россія дѣйствительно получила обновленный строй, если бы ея экономическое развитіе не встрѣчало постоянныхъ препятствій въ скандальныхъ внутреннихъ условіяхъ, ея капиталистическое развитіе пошло бы еще быстрѣе и Россія представляла бы въ экономическомъ отношеніи страну, передъ которой заискивалъ бы западно-европейскій капитализмъ; она была бы рынкомъ такой громадной экономической силы, что однимъ этимъ свойствомъ, не при-

бѣгая къ военной силѣ, ей были бы всюду обезпечены выгодные торговые договоры. Отказавшись отъ блока съ другими, болѣе прогрессивными силами, послѣ разгона двухъ Думъ, русская буржуазія сама отрѣзала эту возможность и стала опирать свой націонализмъ на союзъ съ силами, враждебными этому развитію. Или дѣйствительное преобразованіе или компромиссъ со старыми силами и скачокъ въ сторону милитаризма—такова была надпись на перекресткѣ двухъ путей, идя по которымъ русская буржуазія могла защищать противъ чужеземнаго засилья свои классовые интересы. Буржуазія наша избрала второй путь.

Исходя изъ интересовъ нашей буржуазіи, ея націонализмъ во внѣшней политикѣ долженъ былъ бы носить чисто оборонительный характеръ. Но онъ въ этихъ границахъ не оставался или вѣрнѣе оставался чрезвычайно короткое время. Въ молодыхъ странахъ, догоняющихъ въ своемъ развитіи другія, не совершается простое повтореніе пройденнаго, а заимствуются послѣднія новѣйшія формы. Въ экономической области у насъ тресты и синдикаты возникали совершенно такъ же, какъ и въ самыхъ передовыхъ капиталистическихъ странахъ, и такъ же какъ и тамъ банковый капиталъ подчинили себѣ промышленность и торговлю. Подобно этому и въ области идеологіи націонализмъ нашей буржуазіи старается съ самаго начала одѣться по послѣдней европейской модѣ въ костюмъ имперіализма. Эта склонность соотвѣтствуетъ и основной оріентировкѣ нашей буржуазіи въ кардинальномъ внутреннемъ вопросѣ. Вѣдь буржуазія примирилась со старымъ режимомъ во имя своего націонализма, а старый режимъ во внѣшней политикѣ проводилъ линію имперіализма, правда, не новѣйшаго, капиталистическаго, а до-капиталистическаго образца. Примирившаяся съ нимъ буржуазія охотно поддерживала эту линію, вкладывая въ имперіализмъ нашей внѣшней политики свое пониманіе, приспособляя его къ своимъ интересамъ. Можно сказать, что наша буржуазія въ борьбѣ съ иностраннымъ имперіализмомъ привила себѣ искусственно эту болѣзнь: только прививка въ

противоположность оспенной дала не иммунитетъ, а полную картину болѣзни.

Многочисленные факты говорятъ въ пользу того, что наша буржуазія постепенно становится въ такой же степени имперіалистичной, какъ и западно-европейская. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить П. Б. Струве. Послѣ покаянны „Вѣхъ“ онъ однимъ духомъ переходитъ къ „Великой Россіи“ и спѣшитъ сообщить нашей крупной буржуазіи послѣднее нѣмецкое изобрѣтеніе въ области политики: имперіалистическую теорію. Онъ пересказываетъ наскоро ученіе Трейчке о государствѣ, того самаго Трейчке, котораго не помнящіе родства патріоты приводятъ теперь во время войны примѣромъ нѣмецкаго милитаристическаго духа. Совершенно въ духѣ этого прусскаго историка Струве пишетъ, что идеалъ всякаго государства—быть сильнымъ, могущественнымъ и прибавляетъ: „А быть могущественнымъ, значитъ непремѣнно обладать внѣшней мощью“ [1]). Внѣшняя же мощь до сихъ поръ находила себѣ выраженіе только въ милитаризмѣ, поэтому Струве сталъ милитаристомъ. Но милитаризмъ безъ завоеваній это все равно, что капиталъ, не приносящій дохода. Въ капиталистическомъ обществѣ такая логика—въ духѣ всего строя жизни. Поэтому Струве, какъ имперіалистъ чистѣйшей воды, проповѣдуетъ завоеванія: „Для созданія Великой Россіи есть только одинъ путь: направить всѣ силы на ту область, которая дѣйствительно доступна реальному вліянію русской культуры. Эта область—весь бассейнъ Чернаго моря, т.-е. всѣ европейскія и азіатскія страны, выходящія къ Черному морю“ [2]). Эта завоевательная программа была высказана въ 1908 г., когда о войнѣ не было не только рѣчи, но, пожалуй, и предчувствія. Хорошо, что нѣмцы не читаютъ Струве, а то они написали бы на основаніи одной этой цитаты сотню брошюръ въ доказательство того, что Россія стремилась къ войнѣ.

---

[1]) Цит. по сборнику статей П. Б. Струве Patriotica, С-Петербургъ, 1911 г., стр. 75.

[2]) Ib., стр. 78.

Россія, какъ народъ, къ этому не стремилась, но въ буржуазіи создавалось настроеніе, при которомъ война могла бы быть популярна. Да и болѣе умѣренные въ аппетитахъ и менѣе прыткіе либеральные политики были не чужды активнымъ выступленіямъ во внѣ при условіи, что они будутъ поддерживаться достаточными силами. Поэтому издававшіеся В. П. Рябушинскимъ сборники „Великая Россія" были цѣликомъ посвящены проповѣди милитаризма и даже спѣшной военной подготовкѣ. „Россіи нуженъ здоровый милитаризмъ"—вотъ девизъ Рябушинскаго въ 1911 г.

Лидеръ нашего либерализма П. Н. Милюковъ сдѣлалъ внѣшнюю политику своей спеціальностью. Его позиція заслуживаетъ особаго вниманія. Въ Гос. Думѣ и въ прессѣ онъ много писалъ о нашей политикѣ на Балканахъ, но ни разу онъ не выступалъ принципіально противъ опасной политики домогательства расширить свою внѣшнеполитическую силу на Балканахъ, хотя онъ прекрасно сознавалъ, что это неизбѣжно приводитъ къ политическому конфликту, могущему при извѣстныхъ условіяхъ привести и къ войнѣ. Въ программу Милюкова входитъ и активная внѣшняя политика, активный націонализмъ такой же, какъ у Струве, и если онъ оставался недовольнымъ политикой Извольскаго, то скорѣе съ той стороны, что она не была достаточно твердой (а что твердость политики прямо пропорціональна опасности военнаго конфликта—это само собой разумѣется). Поэтому Милюковъ, критикуя политику Извольскаго во время аннексіи Босніи [1]) Австріей, также указывалъ на недостаточную подготовленность Россіи къ войнѣ: милитаризмъ и для Милюкова плохъ только тогда, когда онъ находится въ чужихъ рукахъ, но противъ своего милитаризма онъ не можетъ возражать не только теперь, когда онъ является открытымъ сторонникомъ завоеваній, но и не могъ раньше, когда онъ былъ сторонникомъ активной внѣшней политики.

---

[1]) П. Н. Милюковъ. Балканскій кризисъ и политика Извольскаго, стр. 155—156.

Въ кадетской литературѣ мы не знаемъ попытки доказать, что Россіи нужна или полезна такая политика, въ частности на Балканахъ. Когда говорятъ о свободномъ проходѣ черезъ проливъ, то обыкновенно предпочитаютъ не говорить точно, что рѣчь идетъ о свободномъ проходѣ для военнаго флота. Свободный проходъ для торговыхъ судовъ, что безспорно является жизненнымъ интересомъ Россіи, былъ всегда обезпеченъ во время мира. Только во время Триполитанской войны проливы закрылись на короткое время и этимъ были причинены большіе убытки русской торговлѣ. Но обезпеченіе прохода черезъ проливы торговому флоту возможно путемъ международныхъ договоровъ и нисколько не связано съ вопросомъ о свободномъ проходѣ для военнаго флота. Между тѣмъ вся русская политика на Балканахъ была направлена не къ тому, чтобы обезпечить болѣе прочнымъ договоромъ проходъ торговымъ судамъ, а къ тому, чтобы выговорить у Турціи исключительное право прохода для *военныхъ судовъ*, что ни съ какими реальными экономическими интересами не связано. Если бы русская политика была ограничена вполнѣ опредѣленной и дѣйствительно жизненной задачей обезпеченія важныхъ *торговыхъ* путей, то она не могла бы привести къ тѣмъ конфликтамъ, къ которымъ она привела, она не возбуждала бы у сосѣдей подозрительности и опасеній. Для такой политики не нужно было активнаго „возвращенія внѣшней политики на Ближній Востокъ“, о чемъ говорили Струве и кн. Г. Трубецкой и чему активно содѣйствовалъ П. Н. Милюковъ.

Другимъ доводомъ въ пользу такого возвращенія является идея покровительства родственнымъ славянскимъ народамъ. Покровительство слабому—вещь очень похвальная, но она до сихъ поръ нигдѣ не была руководящей мыслью внѣшней политики. Почему мы не объявили войну Англіи, когда она завоевывала бурскія республики, почему мы не воевали съ ней изъ-за Ирландіи, почему мы не вмѣшивались въ преслѣдованія поляковъ въ Пруссіи, а преслѣдовали ихъ, да и не ихъ однихъ, у себя дома?

Въ третьей Гос. Думѣ октябристское большинство было не чуждо идеѣ имперіализма, но въ четвертой Думѣ націоналисты были уже одушевлены ею, она стала ихъ главной руководящей мыслью. Четвертая Гос. Дома въ дѣлѣ развитія милитаризма перещеголяла всѣ европейскіе парламенты, не исключая и германскаго рейхстага.

Теоретически можно себѣ представить чисто оборонительный имперіализмъ. Въ дѣйствительности онъ никогда не бываетъ такимъ. Кн. Г. Н. Трубецкой („Россія, какъ великая держава") не напрасно предостерегалъ противъ панславизма. Въ новомъ видѣ онъ съ самаго начала усвоилъ себѣ аллюры, внушавшіе серьезныя опасенія. Не только австрійцы видѣли въ немъ покушеніе на Габсбургскую монархію, но и сами наши панслависты или нео-слависты. Такъ, напр., кн. Евг. Трубецкой, выступая въ „Моск. Ежен." (1901 г. № 27) за соглашеніе съ поляками, писалъ, что такое соглашеніе дастъ реальную основу для того, чтобы перетянуть на свою сторону славянскіе народы Австро-Венгріи, а въ „Новомъ Времени", которое еще долго виляло между германской и англійской оріентаціей, подчасъ не стѣснялись говорить о расчлененіи Австро-Венгріи, какъ о ближайшей промблемѣ русской политики. На славянскихъ съѣздахъ участвовали, какъ извѣстно, и австрійскіе подданные, чехи. Переодѣваніе въ чешскій сокольскій костюмъ гр. В. Бобринскаго и Маклакова само по себѣ—занятіе невинное, но ихъ „нео-славянскія" рѣчи на австрійской территоріи, естественно, играли провокаторскую роль въ Австріи. Если вообще нельзя укорять людей за любовь къ маскараду, то послѣ боснійскаго кризиса въ довольно раздраженной атмосферѣ можно было пожелать, чтобы Маклаковъ лучше занимался своими домашними дѣлами, чѣмъ лѣзъ въ Австрію съ проповѣдью панславизма. Если къ этому прибавить еще панславизмъ еп. Евлогія, то такое пожеланіе было бы еще болѣе умѣстнымъ.

Такъ и въ Россіи постепенно нарождались элементы имперіалистической политики. Въ періодъ реакціи произошелъ блокъ буржуазіи съ имперіализмомъ стараго покроя, традиціи

котораго составляли до сихъ поръ исключительную собственность нѣкоторой части бюрократіи и рѣдкихъ зубровъ стараго панславизма. Наша политическая отсталость сказалась и тутъ, конечно. Она прежде всего нашла себѣ выраженіе въ томъ, что наша политика никакъ не могла достигнуть той отчетливости, какъ англійская и нѣмецкая. Въ Англіи и Франціи буржуазія черезъ парламентъ и отвѣтственное министерство цѣликомъ опредѣляетъ свою политику и дѣлаетъ ее государственной. Въ Германіи безотвѣтственность канцлера восполняется до нѣкоторой степени привычкой считаться съ рейхстагомъ внѣ формальной обязанности и вліяніемъ развитой экономической науки въ Германіи, прекрасно оріентирующей ея внѣшнюю политику. У насъ научное оборудованіе—слабо, нѣтъ устойчивости вслѣдствіе того, что „отношеніе правительства къ Думѣ“ составляло не конституціонное положеніе, а рубрику текущей газетной хроники, богатой скандальными неожиданностями, и сильны были безотвѣтственныя вліянія, иногда теряющіяся въ своемъ происхожденіи, ирраціональныя, потустороннія отъ всякаго политическаго расчета, какъ напр. политика царицы, великихъ княженъ, Распутина. Противорѣчія внутренней политики также сказывались, напр. въ то самое время, когда гр. Бобринскій въ костюмѣ сокола произносилъ рѣчи о славянскомъ единеніи, дома націоналисты отдѣляли Холмскую губернію, а въ Кіевѣ выдворяли Шевченку куда-то за предѣлы города, создавая тѣмъ самымъ политическую базу для Австріи.

Аполитизмъ широкихъ слоевъ той же буржуазіи и болѣе демократическихъ элементовъ, полное отсутствіе интересовъ и знаній въ области внѣшней политики дѣлалъ возможнымъ общественную безотвѣтственность нашихъ профессіональныхъ и добровольныхъ дѣльцовъ внѣшней политики. Такая партія, какъ к-д., въ этой области могла примыкать къ націоналистамъ и октябристамъ безъ риска быть призванной къ порядку со стороны болѣе демократическихъ элементовъ.

Вернемся къ изложенію историческаго хода событій. Послѣ почетной отставки Извольскаго (онъ сталъ нашимъ

посломъ во Франціи и въ этой должности имѣлъ особенно благопріятныя условія проводить рѣзко анти-нѣмецкую линію) министромъ вн. дѣлъ былъ назначенъ С. Д. Сазоновъ, который сначала занялъ примирительную по отношенію къ Германіи позицію. Имъ были начаты и доведены до конца переговоры съ Германіей о разграниченіи экономическихъ интересовъ въ Персіи и Малой Азіи. Это—предметъ Потсдамскаго свиданія монарховъ въ 1910 г. Письменный договоръ былъ заключенъ годомъ позже. Экономически онъ былъ болѣе выгоденъ Германіи, чѣмъ Россіи. Впрочемъ невыгодныя стороны этого договора не были Россіей исполнены [1]).

Политически Потсдамское свиданіе внесло опять увѣренность въ русско-германскія отношенія. О его политическихъ результатахъ Бетманъ-Гольвегъ сообщилъ рейхстагу: „Снова было установлено, что оба правительства не будутъ участвовать ни въ какихъ комбинаціяхъ, имѣющихъ агрессивный характеръ относительно другой страны". Относительно Ближняго Востока было условлено сохранить status-quo. Политическій горизонтъ на которомъ сгустились - было громовыя тучи въ 1908 г., снова прояснился, но не надолго. 1911 г. принесъ кромѣ Марокканскаго конфликта еще войну Италіи съ Турціей иза-за Триполи. Эта неудачная для Турціи война дала поводъ нашему послу въ Константинополѣ подать Турціи ноту съ требованіемъ открыть проливы для нашихъ военныхъ судовъ. Въ Турціи эта нота была встрѣчена въ высшей степени отрицательно. „Ни одно правительство, ни одинъ турокъ ни на минуту не могутъ допустить мысли, чтобы великая Оттоманская имперія могла упасть на степень русскаго вассала", писала Гени-газета. Турецкое правительство отвѣтило Чарыкову, что о такомъ измѣненіи Берлинскаго трактата оно должно запросить всѣ державы. Тутъ оказалась стран-

[1]) Россія обязалась построить желѣзн. дор. оть нѣмецкой Багдадской дор. до соединенія съ жел. дорогами Персіи въ Тегеранѣ. Кн. Г. Трубецкой весьма убѣдительно доказываетъ, что эта дорога была бы исключительно въ нѣмецкихъ интересахъ (Великая Россія, II „Нѣкоторые итоги русск. внѣшн. политики").

ная вещь: такой серьезный, повидимому, шагъ, былъ сдѣланъ Чарыковымъ по своей собственной иниціативѣ. „Новое Время“ поспѣшило сообщить, что Россія не предпринимала никакихъ официальныхъ шаговъ по поводу открытія проливовъ для русскаго флота. С. Д. Сазоновъ въ интервью съ корреспондентомъ „Temps“ сказалъ, что Чарыковъ не имѣлъ никакихъ инструкцій отъ правительства и велъ „чисто академическій разговоръ“ съ турецкими министрами. Однако этотъ „академическій разговоръ“ далъ поводъ къ тому, чтобы (по запросу Турціи) австрійскій и германскій послы рѣшительно выступили противъ Чарыкова. По иниціативѣ послѣдняго, такимъ образомъ,снова была отмѣчена и подчеркнута наличность все того же столкновенія интересовъ между нѣмецкими государствами и Россіей. Наоборотъ, Франція и Англія, не поддерживая Чарыкова прямо, сообщили турецкому правительству, что они предоставляютъ рѣшеніе вопроса свободному усмотрѣнію Турціи [1]).

Въ слѣдующемъ году ближневосточная проблема пріобрѣла очень зловѣщій видъ. Образовался Балканскій союзъ, сперва только между Сербіей и Болгаріей съ цѣлью отнятія у Турціи послѣднихъ неосвобожденныхъ европейскихъ вилайетовъ съ христіанскимъ населеніемъ. Милюковъ въ „Ежегодникѣ Рѣчи“ на 1915 годъ пишетъ:

„Русская политика на Балканахъ привела... къ заключенію договора между непримиримыми врагами Сербіей и Болгаріей (29 февраля 1912 г.), къ которымъ позднѣе (май) примкнула и Грецiя. Хотя образовавшійся такимъ образомъ Балканскій союзъ былъ оріентированъ противъ Австро-Венгріи, но, разъ образовавшись сюрпризомъ для Россіи, онъ направилъ свои дѣйствія противъ Турціи, вопреки противодѣйствію державъ обѣихъ группировокъ.“ Эти слова отличнаго знатока балканскихъ дѣлъ требуютъ существеннаго исправленія. Вѣрно въ нихъ безусловно то, что „русская политика привела къ образованію союза“ (надъ образованіемъ его работали наши дипломатическіе представители въ балканскихъ государствахъ)

[1]) M. Hoschiller.-L'Europe devant Constantinople. Paris, 1916.

и что союзъ былъ оріентированъ противъ Австро-Венгріи. Тамъ онъ именно и былъ воспринятъ, какъ опасный конкурентъ ея захватной политикѣ. Несомнѣнно, конечно, что этотъ союзъ преграждалъ путь Германіи и Австро-Венгріи на Балканы. Если бы онъ потомъ не распался такимъ скандальнымъ образомъ, Германія уже была бы отрѣзана отъ Константинополя. Турція, лишенная подвоза снарядовъ и оружія изъ Германіи, вѣроятно никогда и не рѣшилась бы начать войну или, рѣшившись, не могла бы оказать, и въ десятой долѣ того сопротивленія въ Дарданеллахъ и Арменіи, которое она теперь оказала. Самый этотъ союзъ былъ бы въ военномъ отношеніи настолько сильнымъ, что Сербія вѣроятно избѣжала бы теперешней печальной судьбы. Россіи же, какъ покровительницѣ этого союза, была бы обезпечена гегемонія на Балканахъ и, по меньшей мѣрѣ, открытіе проливовъ для военныхъ кораблей. Иначе сказать, этотъ союзъ подъ русскимъ протекторатомъ былъ бы прегражденіемъ германскаго имперіализма въ самомъ главномъ направленіи и крупнымъ успѣхомъ русскихъ имперіалистовъ. Въ отношеніяхъ Германіи съ Англіей не было момента, который бы хотя въ отдаленной степени создавалъ столь серьезную встрѣчу противниковъ.

Второе утвержденіе Милюкова о „сюрпризѣ“ для Россіи не вяжется съ фактами. Союзный договоръ состоялъ изъ двухъ частей, подлежащей опубликованію и тайной, и обѣ онѣ были сообщены русскому правительству. Открытая часть договора говоритъ о томъ, что договаривающіяся стороны обязуются поддерживать другъ друга въ защитѣ цѣлости ихъ территоріи и ихъ политической независимости, заключаютъ для этого военную конвенцію и въ случаѣ войны обязуются не заключать сепаратнаго мира. Въ тайной же части договора говорится, что въ случаѣ возникновенія въ Турціи внутреннихъ безпорядковъ, могущихъ грозить національнымъ интересамъ сербовъ или болгаръ, или если какія-либо другія обстоятельства поставятъ вопросъ о status quo на Балканскомъ полуостровѣ, то каждая изъ договаривающихся

сторонъ можетъ выдвинуть вопросъ о военномъ вмѣшательствѣ. Если будетъ достигнуто соглашеніе, объ этомъ сообщается Россіи, и „если эта держава не будетъ возражать, военная акція начнется“ (l'action sera engagée). Ели же соглашенія не послѣдуетъ, то союзники апеллируютъ къ мнѣнію Россіи и ея рѣшеніе будетъ обязательно для договаривающихся сторонъ. Во второй статьѣ тайнаго договора говорится, что всѣ территоріальныя пріобрѣтенія подпадаютъ сначала общей власти и дѣлятся между союзниками послѣ, и далѣе слѣдуетъ подробный раздѣлъ провинцій, которыя предполагаютъ отнять у турокъ. Николай II избирался обѣими договаривающимися сторонами третейскимъ судьей для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ границы. Ст. 3 говоритъ, что копія этого договора „сообщается Императору Всероссійскому, котораго одновременно обѣ договаривающіяся стороны просятъ объ одобреніи союзнаго договора и его цѣлей“. Ст. 4 говоритъ, что и военная конвенція представляется на одобреніе Россіи. Военная же конвенція въ ст. 4 говоритъ: „если же Болгарія и Сербія, слѣдуя соглашенію, объявятъ войну Турціи“... и т. д.

Въ совѣщаніяхъ по выработкѣ договора, имѣвшихъ мѣсто въ Софіи, принимали участіе посланникъ М. Неклюдовъ и военный атташе, подполковникъ Романовскій, при чемъ, какъ сообщаетъ Гешовъ, оба они не разъ брали слово по вопросу о раздѣлѣ Македоніи. Договоръ былъ сообщенъ въ Россію черезъ особую депутацію во главѣ съ Даневымъ. Послѣдній бесѣдовалъ съ Сазоновымъ послѣ пріема у Николая II въ Ялтѣ и въ этой бесѣдѣ „не скрылъ, что Болгарія ждетъ перваго удобнаго случая начать игру“, какъ выражается Гешовъ [1]). Правда, Сазоновъ въ отвѣтъ рекомендовалъ сдержанную политику и сказалъ, что если Болгарія провоцируетъ общій кризисъ на Востокѣ, то ни со стороны правительства, ни со стороны общественнаго мнѣнія Россіи это не встрѣтитъ

---

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія мы заимствуемъ изъ книги бывш. болгарск. министра иностр. дѣлъ Гешова: L'Alliance Balquanique. Paris 1915.

сочувствія. Но Николай II, повидимому, говорилъ съ Даневымъ въ обратномъ духѣ. Во всякомъ случаѣ, отсюда очень далеко до утвержденія Милюкова, будто для Россіи было сюрпризомъ, что союзъ обернулся противъ Турціи. Послѣ фактовъ, на которые мы только что указали, сюрпризомъ это никакъ быть не могло, если только не приписывать русской дипломатіи наивности, граничащей съ полнымъ непониманіемъ. Вѣрно то, что русскіе и балканскіе интересы не совпадали. Россія не была заинтересована въ томъ, чтобы форсировать распаденіе Турціи немедленно, и больше цѣнила Балканскій союзъ за то, что онъ прегражда̀лъ путь Австріи и Германіи и обезпечива̀лъ гегемонію Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, гегемонію, которая потомъ могла бы быть вознаграждена гегемоніей въ проливахъ, если бы Балканскій союзъ выступилъ въ моментъ, болѣе удобный для Россіи, и если бы самъ союзъ не обратился въ свою противоположность послѣ 2-й Балканской войны. Но съ сербской и болгарской точекъ зрѣнія союзъ былъ оріентированъ прежде всего противъ Турціи,— именно съ цѣлью отнятія у Турціи населенной христіанами Македоніи онъ и былъ созданъ. Его статьи, касающіяся взаимной поддержки на случай нападенія Австро-Венгріи на Сербію или Румыніи на Болгарію, были важной и политически послѣдовательной частью соглашенія, но отнюдь не его центральной идеей.

Первая Балканская война вызвала большую тревогу и въ Германіи, и въ Австріи. На берлинской биржѣ цѣны сильно пали. Въ Восточной Пруссіи обыватели массами устремились къ сберегательнымъ кассамъ, чтобы взять свои вклады. Въ Австріи были мобилизованы галиційскіе корпуса и, кромѣ того, тайкомъ производилась частная мобилизація въ Босніи: отслужившіе солдаты не были отпущены по домамъ, а вновь набранные рекруты спѣшно обучались и посылались въ Боснію, повидимому, въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ обыкновенно. Тревога улеглась благодаря тому, что удалось достигнуть соглашенія (конечно, временнаго и, по нуждѣ, не очень-то дружескаго, а скорѣе чисто формальнаго) между Россіей и

Австро-Венгріей. Соглашеніе произошло на основахъ, изложенныхъ въ совмѣстной нотѣ къ Сербіи и Болгаріи отъ 27—сентября — 8 октября 1912 г. Основнымъ положеніемъ этой ноты было: не будетъ допущено никакихъ измѣненій status-quo ante въ Турціи. Подписаніе такой ноты со стороны русской дипломатіи, знавшей тайную часть сербско-болгарскаго договора и ранѣе одобрившей его, было лицемѣріемъ, но во всякомъ случаѣ и лицемѣріе было лучше немедленной войны. Вторая Балканская война была встрѣчена, конечно, въ Австро-Венгріи и Германіи съ едва скрываемой радостью. Такъ какъ Россія не настояла на соблюденіи союзнаго договора и тѣмъ вызвала отчужденіе Болгаріи, то Австро-Венгрія поспѣшила воспользоваться этимъ, взявъ сторону Болгаріи при заключеніу мира въ Бухарестѣ. Для русской же дипломатіи Бухарестскій миръ былъ полнымъ неуспѣхомъ: комбинація Балканскаго союза, оріентированнаго противъ Австро-Венгріи, провалилась и представительницей русскихъ интересовъ на Балканахъ осталась одна Сербія, противъ которой теперь и сконцентрировалась вся вражда Австро-Венгріи.

Въ обѣихъ нѣмецкихъ монархіяхъ исторія Балканскаго союза вызвала сильнѣйшія опасенія. Началась спѣшная мобилизація всѣхъ силъ, чтобы обезпечить себѣ противъ Россіи, главнымъ образомъ, проходъ къ Константинополю. Нѣмецкая дипломатія старается перетянуть на свою сторону не только Болгарію, но и Грецію во время поѣздки короля Константина по Европѣ, и не безуспѣшно. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинаются усиленныя вооруженія. Въ Австріи 14 октября 1913 г. былъ внесенъ законопроектъ объ увеличеніи мирнаго состава арміи на $31^1/_2$ тысячу человѣкъ. Въ Германіи послѣ усиленій арміи, проведенныхъ черезъ рейхстагъ въ 1910 и 1912 годахъ, вносится въ началѣ 1913 года новый законопроектъ объ увеличеніи мирнаго состава арміи съ образованіемъ новыхъ формацій кавалеріи и особенно артиллеріи, саперныхъ войскъ, воздушнаго флота и др. наиболѣе важныхъ техническихъ боевыхъ средствъ оборудованія арміи. Въ защиту новаго военнаго законопроекта Бетманъ-Гольвегъ произнесъ въ

рейхстагѣ длинную рѣчь, въ которой обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста, намѣчающія наиболѣе больное мѣсто европейской международной политики: „Съ самаго начала Балканской войны всѣ великія державы стремились локализировать ее; ни одна великая держава не хотѣла принять участіе въ территоріальныхъ измѣненіяхъ на Балканскомъ полуостровѣ. Несмотря на это, цѣлые мѣсяцы длилось напряженное состояніе, давшее поводъ наиболѣе заинтересованнымъ державамъ, Австро-Венгріи и Россіи, принять чрезвычайныя мѣры. Я не хочу сказать, что былъ моментъ, когда война стояла непосредственно у дверей. Но неоднократно нужно было все чувство отвѣтственности заинтересованныхъ въ первую очередь кабинетовъ, чтобы отнять всю остроту, которая могла повести къ катастрофѣ". Въ другомъ мѣстѣ Бетманъ констатируетъ измѣненіе соотношенія силъ на Балканахъ: „мѣсто въ системѣ уравнивающихъ взаимно силъ, занятое до сихъ поръ Европейской Турціей, занято теперь отчасти южно-славянскими государствами... Я не говорю, что столкновеніе между славянствомъ и германцами неизбѣжно. Нѣкоторые публицисты держатся иного мнѣнія. Это опасное предпріятіе. Такія положенія дѣйствуютъ на слушателей суггестивно и подготовляютъ почву для вражды"... Далѣе Бетманъ говоритъ, что онъ довѣряетъ русскому правительству, но „панславистскія теченія получили сильное поощреніе отъ славянскихъ побѣдъ на Балканахъ.

И у насъ принимаются усиленныя военныя мѣры. Въ іюнѣ 1913 г. военный министръ потребовалъ у Думы ассигнованія значительныхъ добавочныхъ кредитовъ. За двѣ недѣли передъ этимъ докладчикъ по бюджету военнаго министерства Звегинцевъ, указывая на вооруженія Германіи, просилъ начальника ген. штаба сообщить, какія принимаются мѣры съ нашей стороны. Начальникъ штаба отвѣтилъ, что производится усиленная постройка крѣпостей, что произведено снабженіе пѣхотныхъ частей пулеметами, готовы новыя гаубицы, и т. д. Въ іюлѣ 1914 года Дума ассигновала снова большіе кредиты на усиленіе вооруженій.

Эти вооруженія на обѣихъ сторонахъ показывали, къ чему клонится дѣло. Къ сожалѣнію, и этими мѣропріятіями не ограничились и дополнили ихъ такими, которыя, собственно говоря, сами по себѣ являются военными дѣйствіями, хотя и допускаемыми современной международной этикой въ въ отношеніяхъ „дружественныхъ державъ“. Я имѣю въ виду своеобразную дуэль на шпіонахъ, которая установилась между Россіей съ Германіей и Австро-Венгріей. Въ Польшѣ было арестовано нѣсколько нѣмецкихъ шпіоновъ, среди которыхъ были и офицеры. Съ другой стороны и Германія арестовала нѣсколько человѣкъ по такому же подозрѣнію. Но пальму первенства стяжалъ безусловно австрійскій полковникъ ген. штаба Редль, сознавшійся передъ вынужденнымъ самоубійствомъ въ томъ, что онъ продалъ планъ австрійской мобилизаціи Россіи. Если еще принять во вниманіе, что шовинистическая пресса обѣихъ сторонъ дѣлала все возможное для того, чтобы усилить враждебныя чувства въ народѣ, то становится понятнымъ, что послѣдніе годы передъ войной мы жили въ атмосферѣ, наполненной гремучимъ газомъ. Высшей точки эта кампанія достигла въ прессѣ по поводу военной миссіи Лимана фонъ-Зандерса въ Константинополѣ. „Биржевыя Вѣдомости“ помѣстили у себя прямо провокаторскую статью Сухомлинова (или Ржевскаго) на тему „мы готовы“. „Kölnische Zeitung“ въ инспирированной германскимъ правительствомъ статьѣ отвѣчала въ такомъ же воинственномъ духѣ. Эта кампанія въ прессѣ принудила, въ концѣ концовъ, мин. иностр. дѣлъ Сазонова выступить въ Думѣ въ маѣ 1914 года съ публичнымъ выговоромъ зарвавшимся патріотамъ.

Въ 1914 году спѣшно додѣлывались послѣднія приготовленія къ военному конфликту. Морское соглашеніе между Россіей и Англіей въ маѣ 1914 года закончило цѣпь дипломатической мобилизаціи. Послѣ этого нѣмецкое правительство увидѣло себя совершенно „окруженнымъ“ и согласно общему характеру своего имперіализма само перешло въ наступленіе. Удобный случай не заставилъ себя долго ждать.

3. Германско-французскій конфликтъ

Изъ всѣхъ воюющихъ великихъ державъ Германія и Франція питали другъ къ другу наиболѣе давнюю вражду. Она можно сказать не прекращалась со времени войны 1870/71 г.; ея основнымъ содержаніемъ былъ Эльзасъ-Лотарингскій вопросъ. Отторгнутая отъ Франціи и насильственно присоединенная къ Германіи въ 1871 г., Эльзасъ-Лотарингія была для французскихъ націоналистовъ знаменемъ, подъ которымъ непрерывно собирались силы для новой войны во имя отомщенія и обратнаго отвоеванія потерянной провинціи. Для Германіи же Эльзасъ-Лотарингія всегда была занозой въ здоровомъ тѣлѣ: прусская администрація со свойственнымъ всякому абсолютистскому правительству методами насилія не могла искоренить въ эльзасъ-лотарингскомъ населеніи ни симпатій къ Франціи, ни республиканскаго духа, и потому постоянно боялась этой провинціи, какъ очага внутренняго возмущенія и внѣшнихъ осложненій съ Франціей. Несмотря, однако, на то, что враждебныя чувства между Франціей и Германіей имѣли наиболѣе солидное оправданіе и имѣлся конкретный объектъ спора, для происхожденія міровой войны этотъ споръ изъ-за Эльзасъ-Лотарингіи имѣетъ наименьшее значеніе. Онъ по всему своему характеру относится къ уже отжитой въ З. Европѣ эпохѣ отграниченія національныхъ государствъ и, какъ бы онъ ни задѣвалъ больно близко заинтересованное населеніе, онъ все-таки имѣетъ только мѣстное значеніе, только для французовъ и нѣмцевъ онъ важенъ. Другимъ до него нѣтъ никакого дѣла, и никогда ни въ Англіи, ни Россіи за всѣ 44 г., пока длился этотъ споръ, ничѣмъ не обнаруживали своего интереса къ нему и, конечно, не стали бы вести войны изъ-за Эльзасъ-Лотарингіи. А въ современномъ конфликтѣ въ антигерманской коалиціи только Англія и Россія играли роль вождей. Франція не равномѣрна съ ними силами и не

можетъ претендовать на равно опредѣляющее общую политику значеніе.

Но и для самой Франціи и Германіи вопросъ объ Эльзасъ-Лотарингіи, теперь во время войны снова подогрѣтый націоналистической агитаціей, до войны потерялъ свою прежнюю силу. Какъ ни старались французскіе націоналисты внушить народу идею отомщенія за Эльзасъ-Лотарингію, чувства эти встрѣчали все меньше и меньше отклика въ массахъ. 44 года, прошедшіе со времени отторженія Эльзасъ-Лотарингіи, слишкомъ большой срокъ, чтобы сохранить въ полной свѣжести чувство ненависти, порожденное войною. Да и не можетъ цѣлый народъ, какъ и отдѣльный человѣкъ, жить однимъ воспоминаніемъ или хотя бы преимущественно имъ. Одними воспоминаніями живутъ только отжившіе свой вѣкъ. Французскій народъ былъ бы дряхлѣющимъ народомъ, если бы за 44 года онъ не нашелъ себѣ другой цѣли въ своей политической жизни, кромѣ исправленія несправедливости, совершенной Бисмаркомъ въ 1871 г.

Что бы ни говорили теперь французскіе шовинисты, безспоренъ тотъ фактъ, что до войны эльзасъ-лотарингскій вопросъ все болѣе и болѣе терялъ свою остроту. Рѣшающимъ было то, что онъ терялъ свою остроту для самихъ эльзасцевъ. Такъ или иначе они тоже прожили 44 года въ соединеніи съ Германіей и, хотя они никогда не могли примириться съ прусской бюрократіей, они вели борьбу съ ней въ новыхъ условіяхъ внутренней политической жизни, а эта борьба выдвигала иные лозунги и будила иныя мысли, чѣмъ простой переходъ къ Франціи въ результатѣ новой войны. Для самихъ эльзасцевъ ихъ вопросъ сталъ изъ внѣшне-политическаго внутренно-политическимъ. Вмѣсто возсоединенія съ Франціей явилось требованіе автономіи внутри Германіи. Старое поколѣніе, участвовавшее въ войнѣ 1870/71 г., умерло, новое выросло въ Германіи и воспиталось на внутренней, а не на внѣшней борьбѣ съ ней. Въ хозяйственномъ отношеніи коренное эльзасъ-лотарингское населеніе за 44 года тѣсно связалось съ остальной Германіей: провинціи сильно разви-

лись экономически въ тѣсной связи съ блестящимъ промышленнымъ развитіемъ западныхъ провинцій Пруссіи. Эльзасъ-лотарингская торговля и промышленность привлекла къ себѣ большое количество переселенцевъ изъ внутренней Германіи: промышленниковъ, торговцевъ, рабочихъ. Это пришлое населеніе сливалось мало-по-малу съ коренным, которое въ большинствѣ своемъ состояло тоже не изъ французовъ, а изъ нѣмцевъ. Въ 1911 г. нѣмецкій рейхстагъ принялъ новый конституціонный законъ для Эльзасъ-Лотарингіи. По этому новому закону правительственная власть попрежнему оставалась въ рукахъ Вильгельма, но въ мѣстныхъ дѣлахъ была ограничена ландтагомъ, избираемымъ на основаніи всеобщаго избирательнаго права. Первые же выборы по этому новому закону, какъ и общеимперскіе выборы въ рейхстагъ, показали, что сепаратисты не имѣютъ большинства въ странѣ.

Въ послѣдніе передъ войной годы въ связи съ общимъ усиленіемъ націонализма и въ Эльзасъ-Лотарингіи сепаратисты нѣсколько подняли голову, но на массахъ они попрежнему не имѣли отклика. Настроеніе народныхъ массъ въ это время лучше всего характеризуется въ манифестѣ, отправленномъ соціалъ-демократической фракціей эльзасъ-лотарингскаго ландтага на парижскіе митинги протеста противъ взаимной шовинистической травли между нѣмцами и французами. Въ Въ этомъ документѣ [1]) мы читаемъ:

„Современныя обстоятельства ставятъ насъ передъ однимъ вопросомъ, оттѣсняющимъ на задній планъ все остальное: хотятъ ли эльзасъ-лотарингцы еще войны? И на этотъ вопросъ мы отвѣчаемъ отъ имени эльзасъ-лотарингскихъ рабочихъ на основаніи самаго точнаго знанія ихъ желаній и ихъ настроеній: нѣтъ и нѣтъ, трижды нѣтъ!

„При этомъ мы знаемъ, что среди эльзасъ-лотарингской буржуазіи имѣется только очень мало, если вообще имѣется,

---

[1] Цит. по книгѣ S. Grumbach. Das schicksal Elsass-Lothringens, Neuchatel, 1915. Grumbach, эльзасецъ родомъ, перешелъ въ началѣ войны на сторону и сотрудничалъ въ L'Humanité подъ псевдонимомъ Homo.

такихъ элементовъ, которые отвѣтили бы иначе. Такъ какъ мы этотъ вопросъ ставимъ безчисленное количество разъ на собраніяхъ и въ частныхъ бесѣдахъ, то мы можемъ сказать, что всегда, когда спрашиваютъ эльзасъ-лотарингцевъ: „хотите ли вы, чтобы ваша небольшая страна осталась частью Германской имперіи или нѣтъ, если вы знаете, что положеніе можетъ быть измѣнено только войной?“ — всегда получается отвѣтъ: „не нужно войны, только бы не война!“

По адресу французскихъ націоналистовъ, агитирующихъ за возсоединеніе Эльзаса съ Франціей, манифестъ говоритъ:

„Мы считаемъ врагами Эльзасъ-Лотарингіи какъ тѣхъ нѣмцевъ, которые не хотятъ намъ дать автономіи, такъ и тѣхъ французовъ, которые хотятъ насъ прижать къ своему сердцу такъ крѣпко, что кровь брызнетъ по всей Европѣ“. Въ числѣ лицъ, подписавшихся подъ этимъ манифестомъ, былъ и эльзасецъ Вейль, соціалъ-демократическій депутатъ рейхстага, вступившій въ самомъ началѣ войны добровольцемъ во французскую армію и объявленный за это измѣнникомъ въ Германіи. Въ виду того, что французскія симпатіи Вейля этимъ фактомъ поставлены внѣ всякаго сомнѣнія, особеннаго вниманія заслуживаетъ его отзывъ, данный уже послѣ начала войны. Въ письмѣ, объясняющемъ, почему онъ вступилъ въ ряды французской арміи, Вейль пишетъ: „Мы, эльзасъ-лотарингцы, старались въ суровое время чужеземнаго владычества наши надежды и наше право (на возсоединеніе съ Франціей) подчинить высшей заботѣ о сохраненіи мира и въ мирное время мы боролись только за то, чтобы добиться режима, позволяющаго нашей странѣ сохранить ея индивидуальность и ея національный характеръ“. Если Вейль, по его собственному признанію, самъ чувствовавшій себя французомъ, подавлялъ свои національныя симпатіи ради сохраненія мира, то большинство другихъ эльзасцевъ и послѣ войны не перешли на сторону французовъ, а остались въ Германіи и продолжали бороться — при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ—за свою автономію.

Въ средѣ эльзасъ-лотарингской буржуазіи сепаратисты воинственнаго направленія также не имѣли большинства. То же сознаніе необходимости не дѣлать изъ такого вопроса, какъ эльзасъ-лотарингскій, причины войны было свойственно и буржуазнымъ эльзасъ-лотарингскимъ политикамъ. Эльзасъ-Лотарингія была единственной провинціей, гдѣ прогрессисты дѣятельно агитировали рука объ руку съ соціалъ-демократами противъ надвигающейся войны. Фракція эльзасскихъ націоналистовъ въ рейхстагѣ на ряду съ соціалъ-демократами послала своихъ представителей на мирную конференцію въ Бернѣ (11 мая 1913 года) и одинъ изъ нихъ, Риклинъ, былъ выбранъ вмѣстѣ съ Бебелемъ и французскимъ пацифистомъ сенаторомъ д'Эстурнель-де-Констанъ въ постоянный примирительный Комитетъ.

Разъ таково было настроеніе самихъ эльзасцевъ, то было бы нелѣпо, если бы во Франціи настроеніе въ пользу войны изъ-за Эльзаса было сильнѣе, чѣмъ въ самомъ Эльзасѣ. Какъ ни старались подогрѣть настроеніе французскіе шовинисты, мало-по-малу верхъ одерживало спокойное отношеніе къ вопросу и лозунгъ войны изъ-за возсоединенія Эльзасъ-Лотарингіи постепенно терялъ свою привлекательность. Особенно это относится къ рабочимъ кругамъ и лѣвымъ партіямъ буржуазіи.

Что же касается правительствъ Франціи и Германіи, то для нихъ, разумѣется, эльзасъ-лотарингскаго вопроса, какъ объекта внѣшней политики, не существовало вовсе. За время 44-лѣтняго перемирія официальныя отношенія никогда не были дружественными, а только болѣе или менѣе сносными. Они то улучшались, то ухудшались, но въ послѣднее время причина ихъ ухудшенія была совершенно иная: столкновеніе интересовъ произошло не въ Эльзасъ-Лотарингіи, а въ Африкѣ. Это совершенно въ духѣ имперіалистическаго періода. Конфликтъ національныхъ интересовъ происходитъ тамъ, гдѣ ни та, ни другая націи не живутъ, на чужой территоріи, въ чужомъ государствѣ — въ Марокко. И въ результатѣ конфликтъ оканчивается соглашеніемъ, которое отнюдь не

имѣло своей цѣлью исправленіе національныхъ границъ, но которое дѣлило между обѣими великими европейскими державами чужія земли.

Послѣ пораженія 1870/71 гг. возрожденіе Франціи произошло на почвѣ колоніальной политики. Франція колонизировала Алжиръ, имѣющій для нея теперь неизмѣримо большее значеніе, чѣмъ Эльзасъ-Лотарингія, и пріобрѣла обширныя территоріи въ тропической западной Африкѣ. Между тропическими владѣніями Франціи и Алжиромъ, въ сѣверозап. углу. Африки, лежало самостоятельное государство Марокко, на которое Франція и направила свои стремленія къ колоніальному расширенію. Это возбудило зависть германской колоніальной политики и повело къ конфликту 1905 года, о которомъ уже говорилось.

Дальнѣйшее завоеваніе Марокко Франціей повело къ новому конфликту въ 1911 г., закончившемуся соглашеніемъ, по которому Франція „компенсировала" Германію уступкой части своихъ владѣній въ Каммерунѣ. Эти конфликты на почвѣ колоніальной политики еще больше сблизили Францію съ Англіей для цѣлей совмѣстнаго отпора германскимъ притязаніямъ, въ Германіи же они привели къ необыкновенному взрыву воинственнаго націонализма въ 1911 г. Во всякомъ случаѣ они закончились мирно и въ самые послѣдніе передъ войной годы между Франціей и Германіей не было конкретныхъ объектовъ спора. Бушевавшій въ то время въ прессѣ обѣихъ странъ шовинизмъ питался мелкими скандалами на германско-французской границѣ и былъ въ сущности безпредметенъ. Въ концѣ концовъ Германія объявила Франціи войну безъ всякихъ опредѣленныхъ цѣлей, какъ союзницѣ Россіи, и Франція вступила въ войну также только въ качествѣ союзницы Россіи. Всѣ послѣдующіе планы отнятія территоріи съ той или другой стороны были придуманы послѣ, когда пролилось уже не мало крови съ обѣихъ сторонъ

4. Сербія

До Балканскихъ войнъ Сербія была не болѣе нашей губерніи: ея населеніе немного не доходило до 3 милліоновъ человѣкъ. Бѣдная страна безъ промышленности, безъ большихъ городовъ, безъ дорогъ, съ рѣдкимъ крестьянскимъ населеніемъ, закинутая въ горы, она была осколкомъ южнославянскаго племени, которому въ результатѣ разныхъ комбинацій исторіи удалось пріобрѣсти государственную самостоятельность. Это маленькое государство не охватывало въ своихъ границахъ всѣхъ сербовъ: часть ихъ, и довольно значительная (около 1 милліона), жила въ Босніи, другіе въ Венгріи, третьи въ Турецкой Македоніи. Сербами являются и черногорцы.

Въ 1903 г. послѣ революціи, возведшей на сербскій престолъ Петра Карагеоргіевича, внутреннее положеніе Сербіи было отчаяннымъ. Государственный долгъ составлялъ 450 милліоновъ франковъ и проценты по нему поглощали 24 милліона, болѣе $^1/_4$ государственнаго бюджета. Сербская валюта стояла на 25% ниже нормы. Немногочисленныя индустріальныя предпріятія принадлежали иностранцамъ. Сельское хозяйство крестьянъ стояло на самомъ низкомъ уровнѣ. Въ государствѣ правили клики, деморализованныя подкупомъ. Все государство, можно сказать, дышало на ладанъ.

Такая страна легко могла бы стать добычей любого сильнаго хищника. Если этого не случилось, то потому, что хищныя аппетиты державъ сталкивались другъ съ другомъ и не хотѣли уступить Сербіи на съѣденіе кому-нибудь одному. Вывозъ капитала, о которомъ мы говорили раньше, привлекъ въ Сербію многоразличные интересы: и французы, и англичане, и австрійцы—всѣ были „экономически заинтересованы“ въ Сербіи. Больше всѣхъ сосѣдняя Австрія, которая издавна смотрѣла на Сербію, какъ на кусокъ, который рано или

поздно она проглотитъ непремѣнно. Географическое положеніе Сербіи было таково, что только одна Австро-Венгрія изъ всѣхъ крупныхъ государствъ имѣла съ Сербіей границу. Выхода къ морю Сербія не имѣла и долгое время не было даже желѣзнодорожнаго пути, который соединялъ бы Сербію съ открымъ моремъ черезъ какое-нибудь другое государство. Благодаря этому обстоятельству Сербія не могла вести никакой торговли иначе какъ черезъ посредство Австро-Венгріи и была, такъ сказать, отдана ей въ экономическую кабалу. Австро-Венгрія использовала это географическое положеніе, навязывая Сербіи такіе торговые договоры, которые облегчали сбытъ австрійскихъ товаровъ въ Сербіи и затрудняли сбытъ сербскихъ въ Австріи: сербы должны были платить за продукты австрійской индустріи цѣны выше дѣйствительной стоимости, а за всѣ сельскохозяйственные продукты они получали въ Австріи меньше, чѣмъ могли бы получить во всякомъ другомъ мѣстѣ, если бы можно было ихъ вывозить еще куда-нибудь кромѣ Австріи.

Пока въ Сербіи было натуральное хозяйство, это не имѣло особаго значенія. Но натуральное хозяйство вездѣ замѣнилось денежнымъ и втянуло самыя отдаленныя страны и самые неудобные уголки земли въ общій товарооборотъ. Возможность привлекать иностранные капиталы ускоряла развитіе буржуазіи въ Сербіи, которое въ послѣднее время тамъ, какъ и вездѣ, шло все быстрѣе и быстрѣе. Понятно, что экономическая зависимость отъ Австріи стала (послѣ того, какъ освобожденіе отъ турецкаго ига совершилось въ 1897 г.) однимъ изъ самыхъ больныхъ мѣстъ національнаго сознанія. Въ 1906 г. Сербія вела съ Австріей не безъ успѣха таможенную войну. Въ этомъ году Австрія, разсердившись на Сербію за то, что та не хотѣла дать артиллерійскихъ заказовъ австрійскимъ заводамъ, запретила ввозъ изъ Сербіи. Сербы не сдались на эту угрозу и, воспользовавшись болгарскими желѣзными дорогами, стали вывозить свои продукты въ другія страны. Это экономическое столкновеніе подняло въ Сербіи еще большее желаніе освободиться отъ

экономической зависимости отъ Австріи, Австріи же показало, что проглотить Сербію, можетъ быть, и не удастся такъ легко.

Поднятіе національнаго сознанія въ Сербіи повліяло и на національное самосознаніе сербскаго населенія въ австро-венгерскихъ провинціяхъ. Австро-венгерская политика по отношенію къ нимъ была всегда политикой угнетенія во всѣхъ отношеніяхъ. Сербскій языкъ преслѣдовался. Политическія права сербовъ были ограничены. Послѣ аннексіи Босніи мѣстное населеніе не получило права выбора въ рейхстагъ. Въ самой же Босніи было введено мѣстное представительство на основаніи такого избирательнаго закона, который искусственно старался уменьшить вліяніе православнаго сербскаго населенія (выборы по религіознымъ куріямъ). Въ Боснійскомъ сеймѣ, кромѣ того, по дарованной Францемъ-Іосифомъ конституціи имѣются члены по назначенію. Главное же то, что вся бюрократія находится въ рукахъ австрійцевъ и состоитъ изъ людей, которые большей частью не знаютъ даже сербскаго языка и вербуются изъ самыхъ худшихъ элементовъ. Какъ было у насъ въ Польшѣ, болѣе приличные люди изъ австрійской бюрократіи не желали итти служить въ страну, гдѣ ихъ встрѣчаетъ ненавистью мѣстное населеніе. Чтобы не дать развиться сербской интеллигенціи, австрійское правительство ввело звѣрскую цензуру для сербскихъ изданій, не открывало само и мѣшало открывать сербамъ на свои деньги гимназіи, а что касается народной школы, то достаточно сказать, что число безграмотныхъ въ Босніи составляло 84% населенія, въ Далматіи—60% и въ Хорватіи—50%. Въ экономическомъ отношеніи австрійское и венгерское правительства также ничего не сдѣлали для развитія южно-славянскихъ провинцій, кромѣ покровительства ихъ денаціонализаціи и въ этомъ смыслѣ. Желѣзныя дороги не проводились. Тамъ, гдѣ онѣ были проведены, на нихъ была система тарифовъ, спеціально приспособленная къ тому, чтобы за мѣстныя перевозки грузовъ приходилось уплачивать больше, чѣмъ за провозъ ихъ на дальнее разстояніе. Ко всему этому надо

прибавить еще полицейскій терроръ и кучу шпіоновъ и провокаторовъ.

Такой режимъ въ южно-славянскихъ провинціяхъ Австро-Венгріи не могъ не породить стремленія избавиться отъ него. Естественно, что подавленное у себя на родинѣ населеніе съ надеждой взирало на свободную Сербію и видѣло въ сліяніи съ нею конечную мечту своихъ національныхъ стремленій. И обратно: такое преслѣдованіе сербовъ внутри Австріи не могло не питать враждебныхъ чувствъ къ ней со стороны всего сербскаго населенія, и всякое сербское правительство, если не явно, то тайно лелѣяло ту же самую мечту.

Изъ Балканскихъ войнъ Сербія вышла значительно увеличенной. Это повліяло, съ одной стороны, на усиленіе въ Сербіи національныхъ стремленій къ объединенію всѣхъ сербовъ, въ томъ числѣ и австрійскихъ, съ другой стороны — къ усиленію сербскаго сепаратизма въ Австро-Венгріи. Но Балканскія войны, несмотря на увеличеніе Сербіи почти вдвое, не удовлетворили ея главной нужды: не дали ей выхода къ свободному морю и тѣмъ самымъ оставили ее въ экономической зависимости отъ Австріи. Австро-Венгрія именно и принудила Сербію удалить свои войска изъ Албаніи и настояла на превращеніи Албаніи въ самостоятельное государство, единственный смыслъ котораго состоялъ въ томъ, чтобы отдѣлить Сербію отъ Адріатическаго моря. Австрійская политика не имѣла бы успѣха, если бы Балканскій Союзъ сохранился или былъ расширенъ привлеченіемъ въ него Турціи. Но жестокая вражда между маленькими государствами на Балканахъ мѣшала имъ объединиться между собою, и вмѣсто того, чтобы строить свою политику на взаимной поддержкѣ, они искали у великихъ державъ поддержки другъ противъ друга и стали игрушкой въ рукахъ великодержавной политики, которая никогда не была безкорыстной.

Сербское правительство опиралось въ борьбѣ съ Австро-Венгріей на Россію, а Болгарія въ своей враждѣ къ Сербіи склонилась на сторону Австро-Венгріи, послѣ того какъ

Россія, взявшая на себя роль опекуна Балканскаго союза, не умѣла предотвратить въ немъ взаимной распри и позволила Румыніи воспользоваться стѣсненнымъ военнымъ положеніемъ Болгаріи, чтобы отхватить отъ нея Добруджу. Какъ русское покровительство Сербіи, такъ и австрійское Болгаріи съ самаго начала грозило большими опасностями. Опираясь на великія державы, такія маленькія государства не могутъ сохранить свой нейтралитетъ, и, такъ какъ они не могутъ, съ другой стороны, имѣть никакого вліянія на политику великихъ державъ, то тѣмъ самымъ они выдаютъ свою судьбу на усмотрѣніе своихъ великодержавныхъ покровителей и позволяютъ дѣлать изъ себя первую боевую позицію столкновенія чужихъ интересовъ.

Всѣ прежнія причины австро-сербской вражды продолжали существовать, но вражда приняла еще болѣе опасный характеръ вслѣдствіе того, что каждый конфликтъ, каковъ бы онъ ни былъ, сейчасъ же вырасталъ въ тяжкій конфликтъ между Австріей и Россіей. Сербія отъ этого больше проигрывала, чѣмъ выигрывала, ибо Россія, не имѣя общей границы съ Сербіей, не могла въ военномъ отношеніи предоставить ей помощи и при военномъ конфликтѣ Сербія неизбѣжно должна была погибнуть.

Сербское правительство должно было всѣми силами избѣгать такого случая. Оно такъ въ концѣ концовъ и поступало во время Боснійскаго кризиса и въ началѣ настоящей войны. Въ обоихъ этихъ случаяхъ опытъ показалъ, что защиты Россіи было недостаточно. Наоборотъ, есть всѣ основанія думать, что общій Балканскій союзъ гораздо дѣйствительнѣе гарантировалъ бы Сербію.

Что касается внутренней борьбы сербовъ въ Босніи за свою національную самостоятельность, то ея слабымъ пунктомъ было то, что она не умѣла связать себя съ борьбою другихъ, болѣе культурныхъ славянскихъ національностей Австро-Венгріи. Въ союзѣ съ чехами и поляками австрійскіе сербы представляли бы собою очень крупную силу для борьбы. Но именно потому, что внутренніе сербскіе націоналисты были

слабы, а слабы они были потому, что сербское населеніе было немногочисленно и отстало въ культурномъ и политическомъ отношеніи, стоящая во главѣ національной борьбы интеллигенція и пыталась замѣнить внутреннюю свою слабость исключительными средствами: она прибѣгла къ политическому террору—такому средству, которое всегда изолировало борющихся отъ массы населенія.

5. Союзы великихъ державъ

Мы видѣли, что основной задачей иностранной политики великихъ державъ въ предшествующее войнѣ время было стремленіе расширить свои территоріальныя владѣнія и свою сферу вліянія, которая въ свою очередь является только подготовкой, первой скрытой стадіей территоріальнаго расширенія. Въ этихъ эгоистическихъ стремленіяхъ интересы различныхъ державъ никогда не совпадаютъ, потому что никто не заинтересованъ въ обогащеніи другого, а только каждый въ своемъ, и часто сталкиваются между собою въ томъ случаѣ, если завоевательные аппетиты направляются на одинъ и тотъ же объектъ, какъ это было напр. въ Марокко, между Франціей и Германіей. Послѣдствіемъ этого должна была бы быть война всѣхъ противъ всѣхъ. Такая международная анархія, однако, не имѣла мѣста, хотя въ принципѣ она именно и выражаетъ вполнѣ суть существовавшихъ до сихъ поръ международныхъ отношеній. На практикѣ она замѣнялась такъ наз. системой равновѣсія силъ. Ни одна великая держава не была настолько сильнѣе всѣхъ остальныхъ, чтобы она могла, опираясь только на свои собственныя силы и совершенно не считаясь съ другими, проводить свою эгоистическую политику, бросая свои вооруженныя силы то въ одну, то въ другую сторону. Враги соединялись въ союзы, чтобы бороться совмѣстно противъ еще болѣе злѣйшихъ враговъ. Что въ основѣ этихъ союзовъ лежала не дружба, а вражда, видно изъ того какъ быстро измѣнялись группировки державъ: Германія заключила союзъ

съ Австріей послѣ войны съ нею и теперешній нашъ союзъ съ Англіей непосредственно смѣнилъ собою явно враждебныя отношенія во время Японской войны. Цѣлью великодержавныхъ союзовъ является или взаимная защита отъ другихъ или нападеніе, но въ томъ случаѣ, если союзъ носилъ формально оборонительный характеръ, онъ на практикѣ былъ основой политики колоніальнаго расширенія,—примѣромъ можетъ служить англо-французская дружба 1904 г. Изъ всѣхъ существующихъ союзныхъ договоровъ нѣтъ ни одного, въ основѣ котораго не лежало бы военное соглашеніе: этотъ фактъ въ достаточной мѣрѣ показываетъ какъ ненормальны международныя отношенія. Мы всѣ еще живемъ, поскольку дѣло идетъ о международныхъ отношеніяхъ, въ дочеловѣческое время.

Группировки державъ въ союзы опредѣляются ихъ наибольшими интересами. Если напр., державы А. и Б., каждая по своимъ особымъ причинамъ, находятся во враждебныхъ отношеніяхъ къ третьей державѣ, онѣ заключаютъ между собою оборонительный или наступательный союзъ противъ общаго врага. Если же между ними самими имѣются противорѣчія интересовъ, то ради того, чтобы справиться съ главнымъ врагомъ, эти противорѣчія на время откладываются или ихъ стараются примирить взаимными уступками. Такъ, Англія, долгое время бывшая врагомъ Россіи, вошла съ Россіей въ договоръ о раздѣленіи „сферы вліянія“ въ Персіи, а потомъ согласилась предоставить Россіи „право“ на завоеваніе Константинополя послѣ того, какъ она убѣдилась, что ея главный врагъ—Германія и что ея интересы требуютъ прежде всего обезпечить себя въ столкновеніи съ нѣмцами. Основныя группировки державъ до войны сложились значительно раньше, чѣмъ угроза настоящей войны стала близкой, и первоначально не основывались на интересахъ колоніальнаго расширенія: они вышли еще изъ доимперіалистической эры. Послѣ войны 1870/71 г. Франція должна была искать себѣ союзниковъ противъ болѣе сильной Германіи и эти поиски привели къ образованію франко-русскаго союза при императорѣ

Александрѣ III, въ 1892 г. Германія со своей стороны сейчасъ же послѣ французской войны стала работать надъ созданіемъ новаго союза и заключила его сперва съ Австро-Венгріей, а потомъ съ Италіей. Такимъ образомъ противъ франко-русскаго двойственнаго союза въ Европѣ существовалъ тройственный союзъ Германіи, Австро-Венгріи и Италіи. Англія оставалась блестяще изолированной и, не примыкая ни къ одной изъ этихъ группъ, удовлетворялась нѣкоторое время тѣмъ, что „равновѣсіе силъ" на европейскомъ континентѣ оставляетъ ей свободу выбирать отъ случая къ случаю друзей и враговъ между этими двумя группами. Когда пришло время имперіализма, эти военные союзы формально оборонительные наполнились политическимъ содержаніемъ наступательнаго имперіализма.

Быстрое внутреннее усиленіе Германіи и ослабленіе Россіи послѣ Японской войны толкнуло Францію на сближеніе съ Англіей, такъ какъ одинъ союзъ съ Россіей не казался французскимъ политикамъ достаточной гарантіей противъ Германіи. Съ другой стороны то же усиленіе Германіи толкнуло Англію на сближеніе съ Франціей и Россіей и привело къ образованію Тройственнаго Согласія. Такимъ образомъ анархія имперіалистическихъ интересовъ смѣнилась своего рода двумя синдикатами великихъ державъ За предѣлами этихъ союзовъ на европейскомъ континентѣ остались только небольшія нейтральныя государства, не располагающія военными силами. Послѣдствіемъ такого синдицированія великихъ державъ было то, что ихъ соревнованіе между собою все болѣе и болѣе приближалось къ военному конфликту въ огромномъ масштабѣ. Съ одной стороны внѣ этихъ большихъ союзовъ не оставалось уже никакой силы, которая могла бы воздѣйствовать на нихъ въ случаѣ конфликта, выступить, напр., третейскимъ судьей между ними. Съ другой стороны, каждая изъ великихъ державъ, вступая въ союзъ и принося ради этого извѣстныя жертвы въ видѣ отказа въ пользу союзниковъ отъ части своихъ притязаній, хотѣла имѣть извѣстныя выгоды и для себя. Чувствуя за собой поддержку

союзниковъ, каждый старался вести свою расширительную политику въ рамкахъ, которыя ему были оставлены союзными договорами, наиболѣе энергично. Но такъ какъ такая свобода къ расширенію предоставляется въ тѣхъ областяхъ, на которыя направляются аппетиты противниковъ, то естественно, что возможность конфликта съ противоположной стороной усиливается. Намъ до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно ни одного случая, чтобы въ союзныхъ договорахъ налагались какія-нибудь ограниченія на договаривающихся въ томъ смыслѣ, чтобы интересы державъ, входящихъ въ союзъ противоположной стороны, трактовались внимательно и предупредительно ради сохраненія мира. Правда, союзники на обѣихъ сторонахъ неоднократно совѣтовали другъ другу умѣренность. Но такъ какъ судьба каждой изъ великихъ державъ въ результатѣ системы союзовъ тѣсно связывалась съ судьбой союзниковъ, то въ серьезномъ случаѣ каждая изъ державъ вынуждалась защищать свой союзъ внѣ зависимости отъ того, какое непосредственное отношеніе имѣетъ къ ея интересамъ тотъ или другой конфликтъ. Благодаря этому каждое малѣйшее столкновеніе грозило общимъ пожаромъ и вѣроятность общеевропейской войны увеличилась. Нейтральныя же европейскія государства въ такой ситуаціи отдавались совершенно на произволъ случаю: они были затертыми среди великихъ державъ и нейтралитетъ ихъ подвергался величайшей опасности. Не имѣя средствъ и людей для большихъ армій, они цѣликомъ были въ зависимости отъ своего географическаго положенія. Чѣмъ больше обострялись отношенія между двумя большими группами, тѣмъ опаснѣе становилось положеніе маленькихъ государствъ, для которыхъ письменныя гарантіи ихъ нейтралитета становились все болѣе и болѣе ненадежными.

Основой международныхъ отношеній сталъ международный милитаризмъ. Фактъ быстраго развитія вооруженныхъ силъ на сушѣ, на морѣ и въ воздухѣ общеизвѣстенъ. Всѣмъ извѣстны и понятны также антикультурныя (для внутренней жизни государствъ) послѣдствія этого факта. Менѣе

обращали вниманія на антикультурныя послѣдствія этого факта для международнаго права. Чувство силы задавило совершенно чувство права. Соревнованіе имперіалистическихъ интересовъ постоянно приводило къ безчисленнымъ мелкимъ конфликтамъ и, какъ бы мелки они ни были, они разрѣшались мирнымъ путемъ постольку, поскольку дипломатія имѣла за собой огромную вооруженную силу, потревожить которую значило вызвать бѣдствіе колоссальныхъ размѣровъ. При каждомъ мелкомъ конфликтѣ выдвигался этотъ послѣдній аргументъ— милліоновъ штыковъ, напр. достаточно было перепившимся французскимъ студентамъ задѣть не менѣе пьяныхъ нѣмецкихъ купцовъ въ Нанси (въ 1913 г.), чтобы создать опасность войны. Если великія державы въ отношеніяхъ между собой не могли найти никакого другого критерія, кромѣ силы, то въ отношеніяхъ великихъ державъ съ маленькими государствами критеріемъ являлась простая, ничѣмъ кромѣ грубыхъ матеріальныхъ интересовъ не мотивированная воля первыхъ. Международное право нашего времени ничѣмъ принципіально не отличается (не исключая и заложниковъ) отъ временъ Цезаря, развѣ только тѣмъ, что самъ Цезарь и его послы вели свою дипломатію болѣе открыто и умѣли произносить болѣе или менѣе искреннія рѣчи — искусство, пришедшее въ полный упадокъ при современной тайной дипломатіи.

Первая и вторая Гаагскія конференціи дали лучшія доказательства того, что милитаризмъ душитъ развитіе международныхъ отношеній въ духѣ права. Начатыя съ большой помпой и барабаннымъ боемъ въ печати Гаагскія конференціи показали, что великія державы не могутъ рѣшать путемъ права ни одного серьезнаго вопроса. Общимъ итогомъ этихъ конференцій былъ слѣдующій абсурдъ: вопросы второстепенные и мелкіе могутъ рѣшаться на основѣ договоровъ по извѣстнымъ обязательнымъ нормамъ, вопросы же первостепеннаго значенія, наиболѣе жизненные вопросы, рѣшаются силой.

Образованіе имперіалистическихъ синдикатовъ государствъ

имѣло своимъ послѣдствіемъ и то, что на путь агрессивной имперіалистической политики втягивались такія государства, которыя не имѣли для политики имперіализма внутреннихъ экономическихъ предпосылокъ. Здѣсь мы видимъ полную аналогію съ экономической жизнью. Заключаемые крупными промышленными предпріятіями тресты ставятъ въ безвыходное положеніе болѣе мелкія предпріятія; по тѣмъ или инымъ причинамъ послѣднія въ концѣ концовъ поглощаются трестами, примыкаютъ къ нимъ добровольно или разоряются. То же самое мы видимъ и въ политикѣ. Мелкое государство, лежащее въ сферѣ вліянія великодержавной политики, не въ состояніи оставаться совершенно независимымъ и нейтральнымъ. Великая держава приставляетъ къ его груди, какъ револьверъ, свой милитаризмъ. Тогда оно ищетъ спасенія у другой великой державы, которая беретъ его подъ защиту очень охотно, но отнюдь не безвозмездно. Такимъ образомъ слабое государство становится игрушкой въ рукахъ „великихъ“ державъ, ареной ихъ соревнованія и ихъ добычей: примѣромъ можетъ быть любое Балканское государство. Или буржуазія второстепенной страны провоцируется разнузданностью агрессивной политики великихъ державъ и цѣною запродажи имъ своихъ политическихъ симпатій пріобрѣтаетъ для себя право урвать кусочекъ: такъ, итальянскіе или венгерскіе имперіалисты только потому и могутъ быть имперіалистами, что кромѣ ихъ крохоборческихъ имперіализмовъ существуютъ такія акулы имперіализма какъ Германія или Англія, подъ защитой которыхъ и мелкимъ рыбешкамъ можетъ быть удастся кое-что проглотить. Въ стремленіи найти себѣ союзниковъ крупныя имперіалистическія державы вооружаютъ за свой счетъ менѣе крупныя и тѣмъ самымъ провоцируютъ ихъ завоевательныя стремленія. Русскій имперіализмъ могъ развиться только при финансовой поддержкѣ французской и англійской биржи.

Интересный примѣръ такого зараженія имперіализмомъ даютъ Сѣверо-Американскіе Соединен. Штаты. Быстрый расхватъ внѣевропейскихъ земель европейскими великими

державами возбудилъ и у американцевъ желаніе оставить за собою кое-что изъ чужой территоріи. Знаменитая доктрина Монрое, состоящая въ томъ, что никто не долженъ вмѣшиваться въ американскія дѣла, получаетъ теперь распространительное толкованіе: Штаты считаютъ всю Америку, въ томъ числѣ и Южную, исключительно своей сферой вліянія. Ожесточенное соревнованіе англійскихъ и германскихъ капиталистическихъ интересовъ въ Южной Америкѣ пробудило такія же стремленія у капиталистовъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Но до войны благодаря недостатку свободнаго капитала Штаты не могли вести энергичной политики экономическаго расширенія. Война дала имъ возможность выступать болѣе активно. Она связала руки обоимъ конкурентамъ—Англіи и Германіи, а также накопила въ Штатахъ за время ихъ нейтралитета огромные капиталы, которые начинаютъ искать мѣсто выгоднаго приложенія въ колоніяхъ. Слабыя въ капиталистическомъ отношеніи южно-американскія государства представляютъ для этого прекрасную почву. Участіе С.-А. Штатовъ въ войнѣ несомнѣнно закрѣпитъ политически этотъ рынокъ за ними.

До войны втягиваніе отсталыхъ государствъ въ имперіалистическую политику происходило менѣе открыто, но оно шло вездѣ въ послѣдніе передъ войной годы очень энергично. Благодаря этому увеличивались 1) опасность конфликта, 2) область его распространенія. „Міровая война должна была стать міровой именно потому, что міровые размѣры имѣлъ имперіализмъ. За предѣлами военнаго конфликта и остались только тѣ, кто еще не успѣлъ быть втянутымъ въ одинъ изъ имперіалистическихъ синдикатовъ: на картѣ земли—это совсѣмъ небольшіе островки, существующіе либо какъ воспоминаніе о доимперіалистической эпохѣ (Норвегія, Данія, Голландія, Швейцарія) либо какъ такія страны, до которыхъ европейскій имперіализмъ за ихъ отдаленностью еще не успѣлъ добраться. Въ процессѣ войны и этимъ островкамъ грозитъ опасность быть смытыми съ земной карты.

6. Общее политическое положеніе передъ войной

Общее положеніе въ международной политикѣ передъ началомъ войны было таково: боролись между собою два огромныхъ имперіалистическихъ союза или синдиката—Тройственный Союзъ и Тройственное Согласіе. Внѣ этихъ синдикатовъ въ предѣлахъ Европы не было ничего, что имѣло бы хоть какую-нибудь реальную силу. За предѣлами же Европы только одно государство, С.-А. Соединенные Штаты, оставалось политически и экономически совершенно независимымъ, не втянутымъ ни въ одинъ изъ этихъ синдикатовъ. Это единственное государство было однако по сравненію съ каждымъ изъ синдикатовъ слишкомъ слабымъ, чтобы имѣть возможность измѣнить общее положеніе.

Объектомъ борьбы было *міровое господство*, т.-е. политическое и экономическое господство надъ всѣми еще не подѣленными внѣевропейскими странами. Карлъ Каутскій [1]) писалъ въ началѣ войны, что въ противорѣчивыхъ интересахъ великихъ державъ не было ни одного реальнаго объекта спора и что война, по существу имперіалистическая, началась не изъ-за какого-нибудь опредѣленнаго спорнаго вопроса, а просто къ ней привело милитаристическое соревнованіе. Мы указали выше на одинъ весьма реальный объектъ спора имперіалистическихъ интересовъ: господство надъ азіатской Турціей и путями къ ней. Но кромѣ этого реальнаго объекта такіе же реальные объекты спора были разсѣяны по всему земному шару: Китай, Марокко, Персія, Южная Африка и Америка. Если ни одинъ изъ этихъ вопросовъ колоніальной конкуренціи не стоялъ остро, не былъ предметомъ дипломатическихъ пререканій непосредственно передъ войной, то всѣ они зато стояли на очереди принесенія въ

[1]) K. Kautzky, Nationalstaat, imperialistischer Staat und Staatenbund.

жертву тому или другому изъ европейскихъ имперіалистическихъ синдикатовъ. Европейскіе буржуазные политики прекрасно знали, что всѣ эти страны и народы пожретъ тотъ имперіализмъ, который окажется сильнѣе въ рѣшительной схваткѣ. Міровое господство для имперіалистовъ—вовсе не отвлеченная идея, а совершенная реальность, переводимая въ любой моментъ въ цѣлые поѣзда съ золотомъ, въ огромные проценты для всѣхъ акціонерныхъ обществъ, для всего класса капиталистовъ той или другой стороны, но только какой-нибудь изъ нихъ. Вотъ изъ-за чего шелъ споръ.

Нарастаніе конфликта до степени неразрѣшимаго противорѣчія шло постепенно усиливаясь. Параллельно съ этимъ шла во всѣхъ крупныхъ странахъ лихорадочная работа по подготовкѣ войны. И такъ какъ никакого предѣла вооруженіямъ не было, а война для всѣхъ была наиболѣе страшной при наилучшей подготовкѣ, то конкуренція въ подготовкѣ къ войнѣ сводилась главнымъ образомъ къ выигрышу времени. Вопросъ ставился такъ: Какая сторона подготовится раньше и раньше откроетъ нападеніе. Поэтому обѣ стороны старались приблизиться къ этой возможности какъ можно ранѣе, и обѣ работали всѣми силами въ направленіи войны, а не мира.

Эта внѣшне-политическая ситуація отражалась, и не могла не отражаться, только однимъ образомъ на внутреннемъ политическомъ положеніи. Вездѣ господствовала націоналистическая реакція. Внѣшняя сила государства—таковъ былъ идеалъ имперіалистической буржуазіи. Этотъ идеалъ требовалъ себѣ и матеріальныхъ и политическихъ жертвъ. Милитаризмъ всѣхъ видовъ поглощалъ колоссальныя суммы денегъ, которыя могли бы превратить каждую изъ странъ въ прекраснѣйшій и счастливѣйшій рай для народа, если бы только эти деньги, плодъ народнаго труда, были обращены на улучшеніе своей страны, а не на разрушеніе сосѣдней. Политическія жертвы, принесенныя въ угоду милитаризму, состояли въ томъ, что буржуазія выкинула за бортъ весь свой либерализмъ и думала только о томъ, чтобы сдѣлать свое

правительство наиболѣе независимымъ отъ народа, а народныя массы наиболѣе зависимыми отъ него: буржуазіи нужно было воспитать народныя массы въ духѣ полнаго и безпрекословнаго подчиненія государственной власти, чтобы въ нужный моментъ послать эти массы на смерть за свои капиталистическіе интересы. Достигалось ли это воспитаніе путемъ грубаго насилія или путемъ политическаго развращенія массъ и особенно вождей, путемъ миража крохотныхъ реформъ или обоими методами попеременно, это существенной роли не играетъ.

Буржуазія до войны вездѣ входила въ союзъ съ реакціоннымъ дворянствомъ и становилась „толпою тѣсною у трона", чтобы прикрывать грудью своею и скрывать отъ критики народа опасную для него хищную внѣшнюю политику. Эта задача объединяла всѣ господствующіе классы: и реакціонеровъ, и либераловъ. Во имя этой задачи, въ парламентахъ противъ соціалистовъ составлялись блоки отъ крайнихъ консерваторовъ до крайнихъ либераловъ и полусоціалистовъ. Въ нашей Государственной Думѣ, какъ бы велико ни было партійное расхожденіе въ другихъ случаяхъ, буржуазія и дворянство стояли сплошнымъ фронтомъ отъ Маркова 2-го и Пуришкевича до Милюкова тогда, когда нужно было прикрыть рискованную игру нашей внѣшней политики на Балканахъ. Буржуазная пресса, всегда держащая носъ въ ту сторону, откуда пахнетъ золотомъ, не дала ни одного примѣра независимой, свободной и откровенной критики. Въ ней ни разу не былъ серьезно поставленъ вопросъ о томъ, насколько внѣшняя политика правительства и взятыя имъ на себя обязательства соотвѣтствуютъ интересамъ народныхъ массъ.

Такъ было во всѣхъ странахъ. Поскольку въ средѣ буржуазной интеллигенціи находились смѣлые и честные умы, они на политической аренѣ не могли находить сочувствія и поддержки своего класса. Поэтому такіе люди уходили съ политической арены въ другія области, гдѣ ихъ свободная личность не связывалась круговой порукой общей

безсловесности передъ господствующей линіей. Буржуазная интеллигенція выдѣляла изъ себя еще перлы, но эти перлы осаждались внѣ области организованной работы буржуазіи, какъ класса—въ искусствѣ, наукѣ или литературѣ. Они своимъ блескомъ только оттѣняли полную безыдейность, безпросвѣтность и неинтересность общественной жизни буржуазіи, откуда въ послѣдніе передъ войной годы была вытравлена всякая смѣлая реформаторская мысль.

Демократическіе же слои тамъ, гдѣ они въ достаточной мѣрѣ пробудились къ политической жизни, вели упорную борьбу за минимумъ политическаго существованія. Этотъ минимумъ, естественно, ограничивался кругомъ внутреннеполитическихъ вопросовъ. Не имѣя достаточно силъ или энергіи, чтобы въ этой области сломить сопротивленіе буржуазіи, демократія тѣмъ менѣе имѣла возможность выдѣлять достаточныя силы для борьбы за свои идеалы въ международной политикѣ. Все, что дѣлалось въ этомъ отношеніи, было сверхурочной работой немногочисленной, сравнительно демократической интеллигенціи, но не дѣломъ самихъ массъ. Послѣднія даже въ наиболѣе развитыхъ странахъ очень мало интересовались внѣшней политикой. Нуженъ былъ страшный урокъ войны, ея колоссальныя бѣдствія и страданія, чтобы народы обратились противъ самодержавія и фактической безотвѣтственности во внѣшней политикѣ, какъ они раньше боролись противъ такого же строя во внутренней политикѣ.

Таково было внутренне-политическое положеніе. Въ подробностяхъ оно было весьма различно въ разныхъ странахъ. Но въ этомъ разнообразіи общимъ было то главное, что давало политическій характеръ моменту: господство крупной буржуазіи, имперіализмъ внѣшній и имперіализмъ внутренній, устраненіе народныхъ массъ отъ права опредѣлять внѣшнюю политику государства и подчиненія ея классовымъ капиталистическимъ интересамъ. Во внѣшней политикѣ накоплялись и росли конфликты, во внутренней же политикѣ связывались тѣ культурныя силы, которыя могли бы предотвратить взрывъ.

7. Начало войны

При такомъ положеніи катастрофа была неизбѣжна и непредотвратима. Къ нашему ужасу и стыду война началась почти безъ всякихъ препятствій со стороны европейской демократіи. Характерно, что въ первые же мѣсяцы войны общественное мнѣніе, не только подкупленное но и искренное, обратилось съ упрекомъ по адресу соціалистовъ: почему вы не помѣшали войнѣ? Всѣмъ и вездѣ было извѣстно, что если кто и предостерегалъ противъ войны или боролся противъ нея, то это были соціалисты. Но именно потому упрекъ и обратился противъ нихъ: въ этомъ упрекѣ молча признавалось, что ни съ какой другой стороны спасенія и не могло быть, на буржуазную политику никто въ этомъ отношеніи не возлагалъ малѣйшихъ надеждъ—на нее просто махнули рукой.

Въ буржуазной же политической литературѣ поднялась перебранка: кто первый далъ послѣдній толчокъ къ катастрофѣ? Изъ-за этого спорили до хрипоты буржуазные политики различныхъ странъ, ни разу не попытавшись поставить вопросъ въ единственно полезной для будущаго формѣ: о системѣ международныхъ отношеній приведшей къ войнѣ.

Съ нашей точки зрѣнія вопросъ о послѣднемъ поводѣ къ войнѣ можетъ имѣть только второстепенное значеніе. Война началась, какъ извѣстно, съ предъявленія со стороны Австро-Венгріи поистинѣ наглаго и неслыханнаго, какъ выразилась вѣнская соціалистическая газета, ультиматума къ Сербіи. Наслѣдный эрцъгерцогъ Францъ-Фердинандъ былъ убитъ на австрійской территоріи въ Сараевѣ, австрійскимъ подданнымъ сербомъ Принципомъ. Безъ сомнѣнія, у него были сообщники или по крайней мѣрѣ друзья и единомышленники за предѣлами Босніи, въ Сербіи. На этомъ основаніи Австро-Венгрія подъ угрозой объявленія войны предъявила къ Сербіи ультиматумъ, требовавшій для Австро-Венгріи права вмѣшиваться во внутреннія дѣла Сербіи.

Сербское правительство удовлетворило всѣ требованія, какія оно имѣло право удовлетворить по своей конституціи. Оно отказалось только ограничить свободу печати безъ закона и допустить австрійскихъ чиновниковъ къ контролю надъ сербскими слѣдственными властями. Тѣмъ не менѣе австро-венгерскій посолъ этимъ отвѣтомъ не удовлетворился и объявилъ войну.

Такимъ образомъ война была начата Австро-Венгріей. Этого факта нельзя ни смыть, ни затушевать ничѣмъ—какъ и того, что первый рѣшительный шагъ къ превращенію конфликта въ общую войну былъ сдѣланъ Германіей. Въ попыткахъ дипломатически уладить конфликтъ Австро-Венгрія и Германія проявили наибольшую несговорчивость, отвергнувъ всѣ предложенія Англіи о различныхъ способахъ улаживанія конфликтовъ. Конечно, Англія имѣла въ виду разрѣшить конфликтъ такимъ образомъ, какъ это было выгодно ей и ея союзникамъ, но не центральнымъ державамъ. Все-таки Англія сдѣлала по крайней мѣрѣ цѣлый рядъ предложеній о переговорахъ и всѣ они были отклонены центральными державами. Германія взяла на себя иниціативу объявленія общеевропейской войны.

Всѣ эти переговоры обнаружили прежде всего полную неспособность тайной дипломатіи найти выходъ изъ кризиса. Въ то время какъ народныя массы, застигнутыя конфликтомъ врасплохъ, съ ужасомъ спрашивали себя и свои правительства; неужели будетъ общая война?—въ это время правительственные дипломаты дѣлали все возможное, чтобы затруднить искреннее и прямое объясненіе другъ съ другомъ. Интересно отмѣтить, что нигдѣ не были созваны парламенты прежде чѣмъ война была объявлена, хотя во всѣхъ странахъ имѣлась полная возможность это сдѣлать. И мы присутствовали при возмутительномъ зрѣлищѣ, когда миролюбиво настроенные народы натравливались одинъ на другого и въ концѣ концовъ были ввержены въ войну какой-нибудь дюжиной безотвѣтственныхъ политиковъ, которые не только не пользовались общенароднымъ довѣріемъ, но

и самыя имена которыхъ далеко не всѣмъ были извѣстны. Ни одно правительство въ этотъ грозный моментъ не алпелировало ни къ своему народу, ни къ народамъ противной стороны. Правительства вступали въ войну или принимали вызовъ на основѣ тайныхъ договоровъ, условія которыхъ до сихъ поръ остаются неопубликованными. Сотни милліоновъ людей подвергались величайшей опасности, на карту ставилось существованіе будущихъ поколѣній и всей европейской культуры, и все это дѣлалось ничтожной кучкой людей.

Намъ незачѣмъ вдаваться въ подробности дипломатическаго конфликта, если вопросъ идетъ о томъ, кто его началъ. Онъ былъ начатъ съ нѣмецкой стороны—въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ фактомъ, что германскій имперіализмъ въ силу указанныхъ выше условій имѣлъ наиболѣе наступательный характеръ.

Но изъ этого факта отнюдь не слѣдуетъ, что на противоположной сторонѣ была сплошная ангельская невинность. Ея не было даже на сторонѣ Сербіи, наименѣе виновной и наиболѣе пострадавшей потомъ сторонѣ. Сербская націоналистическая печать даже въ эти тревожные дни писала объ Австро-Венгріи не иначе, какъ въ задирательномъ и вызывающемъ тонѣ, сербское же правительство обращалось къ Николаю II послѣ того, какъ оно само оттолкнуло отъ Сербіи симпатіи ближайшихъ сосѣдей болгаръ, союзъ съ которыми имъ лучше могъ бы гарантировать миръ. И ужъ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать невиновнымъ въ войнѣ русское царское правительство. Мы видѣли, что оно еще раньше при поддержкѣ всей русской буржуазіи вело авантюристскую политику на Балканахъ, а въ этотъ моментъ оно сдѣлало только послѣдній выходъ изъ прошлаго.

Какой же смыслъ имѣетъ споръ о томъ, кто виноватъ въ войнѣ?

Если этотъ вопросъ задаютъ для того, чтобы судить правительство, то политически они всѣ должны быть осуждены, такъ какъ всѣ они вели угрожающую другимъ политику.

Разница только въ томъ, какое изъ буржуазныхъ правительствъ было болѣе и какое менѣе наглымъ. Если бы былъ возможнымъ уголовный судъ и личная отвѣтственность (по существующимъ законамъ онъ не возможенъ), то различная степень вины сказалась бы развѣ только въ градаціи наказанія: можетъ быть, Вильгельма II слѣдовало бы послать на каторгу, тогда какъ для Николая II, можетъ быть, болѣе подходящимъ мѣстомъ были бы арестантскія роты. Но такая постановка вопроса не имѣетъ политическаго интереса.

Если же говорить о происхожденіи войны серьезно, то можно притти только къ одному выводу: мірова я война произошла изъ мірового имперіализма. Это политика крупной финансовой буржуазіи, и не даромъ во всѣхъ странахъ извѣстная часть буржуазныхъ политиковъ и нѣкоторые органы буржуазной прессы были настроены гораздо болѣе воинственно, чѣмъ ихъ правительства, и открыто требовали войны. Такая политика, преслѣдовавшая интересы ничтожнаго меньшинства населенія, была возможна потому, что даже въ самыхъ демократическихъ странахъ внѣшняя политика находилась внѣ народнаго контроля и притомъ не только въ силу конституціоннаго закона, но и потому, что народныя массы относились безучастно къ международнымъ отношеніямъ.

Теперь жестокій урокъ войны открываетъ глаза народамъ на ихъ международныя обязанности, а русская революція указываетъ пути и средства исполнить этотъ долгъ.

ЛЕНИНА ИНСТИТУТА

Конецъ

Энзисъ. Война и Германская соціалъ-демократія
ц. 1 р.

Цѣна 1 р. 75 к.